НАТИ СМОЛЬНИКОВА
ЛЮБВИ
НЕТ В НАЛИЧИИ

Нати Смольникова
Любви Нет В Наличии

https://litres.ru/74578833

Аннотация

Их встреча неизбежна и случайна«Любви нет в наличии» – это роман о том, что произойдет, когда два разных человека попытаются навязать друг другу свои правила игры. Сможет ли властный циник разглядеть за наивностью стальной стержень? Сумеет ли «правильная» девушка увидеть за льдом живую душу? И что будет, когда логика одного столкнется с инстинктами другого?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	48
ГЛАВА 8	53
ГЛАВА 9	66
ГЛАВА 10	72
ГЛАВА 11	80
ГЛАВА 12	90
ГЛАВА 13	99
ГЛАВА 14	111
ГЛАВА 15	126
ГЛАВА 16	134
ГЛАВА 17	141
ГЛАВА 18	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

ГЛАВА 1

Теория несовместимости

Воздух в фитнес-клубе «Империя здоровья» был тяжелым и плотным, словно его специально замесили из пота, амбиций и дорогого парфюма, который безуспешно пытался перебить запах хлорки из бассейна. Анна стояла у монолитной стойки ресепшена, выполненной из полированного черного камня с неоновой подсветкой по контуру. За ее спиной огромный логотип клуба переливался холодным синим светом.

Зал жил своей жизнью: за стеклянной стеной, отделяющей кардиозону, десятки людей бежали никуда на беговых дорожках, их лица в свете мониторов напоминали маски. Оттуда доносился тяжелый ритм рока — музыка здесь была не для удовольствия, а для поддержания звериного темпа. Пахло резиной от ковриков, железом и чуть приторным ароматизатором освежителя воздуха, который тщетно пытался создать иллюзию стерильности.

В этой атмосфере индустриального культа тела Анна чувствовала себя залетной птицей. Строгий темно-синий костюм — узкая юбка-карандаш, приталенный пиджак с тонкой белой окантовкой — сидел на ней идеально, подчеркивая хрупкость фигуры. Но здесь, среди людей в спандексе и мокрых майках, он выглядел карнавальным костюмом, на-

рядом пришельца из другого мира.

Секретарь — женщина лет тридцати пяти с идеальным макияжем и настолько стянутыми в хвост волосами, что казалось, кожа на висках натянута до предела. Она пролистывала документы Анны с выражением лица, будто вскрывала конверт с налоговой претензией. Её длинные ногти, покрытые гель-лаком цвета «пыльная роза», брезгливо касались бумаг.

— Студентка-журналистка? — слово «студентка» прозвучало как диагноз. — Опыта ноль. Зачем тебе это? У нас тут проходной двор?

— Мне нужны живые люди для исследования. Это заказное интервью для ведущего журнала, — голос Анны звучал ровно, хотя внутри от этого снисходительного тона уже зарождалось раздражение. Она поправила папку из темно-бордовой кожи. — К тому же я пишу диплом по коммуникации в условиях стресса. А где, как не в спортзале, люди наиболее искренни? Здесь маски слетают вместе с усталостью.

— У нас тут не лаборатория, милая, — усмехнулась женщина, даже не пытаясь скрыть превосходство. — И не журнал. Это бизнес.

Их прервал звук, который Анна не спутала бы ни с чем, — тяжелый удар, гулко разнесшийся откуда-то из-за поворота, со стороны зала единоборств. То ли груша сорвалась с крепления, то ли штанга упала на пол. А затем из полумрака коридора вышел он.

Анна никогда не верила в глупые клише про «воздух, который стал плотнее». До этой секунды. Его появление действительно изменило давление в помещении.

Высокий. Под два метра. На нем была простая черная майка-алкоголичка, настолько мокрая от пота, что прилипла к торсу, как вторая кожа, очерчивая каждый мускул. Черные, коротко стриженные волосы блестели от влаги, классическая мужская стрижка подчеркивала волевые скулы и тяжелую линию челюсти.

Он шел широкой, тяжелой походкой хищника, который только что поел и теперь лениво выходит на прогулку. Дышал он все еще ртом после спарринга, глубоко и шумно.

Капли пота стекали по его шее, теряясь в вырезе майки, скатывались по груди, оставляя влажные дорожки на рельефных мышцах. Он разматывал на ходу красные боксерские бинты — старые, с темными пятнами, видавшие сотни тренировок. Запах от него исходил за версту: терпкий, мужской, смесь пота, кожи и металла.

Он даже не смотрел в их сторону. Он был полностью погружен в свой мир — мир адреналина, эндорфинов и чистого тестостерона.

Но Анна смотрела. И ей стало не по себе. Не от страха. Нет. От какого-то древнего, животного импульса, который включился в самой глубине подсознания. Тело отреагировало раньше разума. Мурашки побежали по спине, сердце на секунду сбилось с ритма.

— А вот и наш хозяин, — секретарь мгновенно преобразилась, вскочила, одернула юбку, голос стал медовым. — Ильяс Равильевич, тут девушка к нам за интервью пришла.

Мужчина остановился, как вкопанный. Медленно, словно нехотя, перевел взгляд на стойку. Его карие глаза, темные, почти черные в этом освещении, скользнули по фигуре Анны. Без интереса. Как по предмету мебели. Но взгляд зацепился. Зацепился за контраст — фарфоровая статуэтка в деловом костюме посреди царства пота и железа.

— Кто такая? — голос был низкий, с хрипотцой, простуженный или сорванный криками на тренировках.

— Анна Молчанова. Журналист, — секретарь опередила Анну.

Ильяс подошел ближе. Теперь Анна чувствовала исходящий от него жар. Он был как раскаленная печь. Пахло кожей перчаток, потом и чем-то опасным, первобытным.

— Журналист? — он усмехнулся, и усмешка вышла недоброй, хищной. Он окинул её взглядом с головы до ног, задержавшись на строгом пучке каштановых волос, на голубых глазах, которые смотрели на него слишком смело. — Ты потерялась в жизни, принцесса? Твое место на шее у сильного мужчины. Вон там, — он махнул рукой в сторону зала, — бабы в бикини ягодицами трясут. Иди, покачай пресс. А писать статейки — это не твое.

— Я не потерялась, — Анна выдержала его взгляд, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. Голос её звучал ровно,

как на защите курсовой, — она специально тренировала этот тон. — Я пришла работать.

Ильяс окинул её фигуру новым, оценивающим взглядом. От строгой прически до туфель-лодочек на невысоком каблуке. Кубики пресса на его животе, еще напряженные после тренировки, перекатывались под влажной кожей. Анна поймала себя на том, что смотрит на них, и тут же отвела взгляд, разозлившись на себя.

— Слушай, — он вдруг наклонился к ней, сократив расстояние до опасного минимума. Понизил голос до полушепота, интимного и угрожающего одновременно. От его дыхания у Анны перехватило горло, а по спине снова побежали мурашки. — Иди-ка ты отсюда. Пиши свои статейки про звезд и диеты. И не лезь на рожон к серьезным дядям, а то костей не соберешь. Здесь тебе не место. Здесь не гладят по головке за умные глазки. Здесь бьют.

Он выпрямился, и контраст между его огромной фигурой и её хрупкостью стал почти пугающим. Он бросил скомканные, воняющие потом бинты на полированную стойку прямо перед ней. Грязные, мокрые, они упали с тяжелым «шлепком», оставив темное пятно на черном камне.

— Бинты убери, — бросил он через плечо, уже разворачиваясь. — Раз уж пришла.

Кровь прилила к щекам Анны жаркой волной. От злости, от унижения, от бессилия. Она смотрела на его широкую спину с проступающими под мокрой майкой лопатками, на

мощные плечи и чувствовала, как внутри закипает холодная, кристально чистая ярость. Этот наглый, высокомерный самец. Который посмел смотреть на неё, как на пустое место, посмел разговаривать с ней, как с дешевой девкой.

Дрожащими пальцами, стараясь сохранить остатки достоинства, она аккуратно взяла вонючие бинты двумя пальцами, будто дохлую крысу, и с отвращением бросила их в урну под стойкой. Звук падения прозвучал как финальный аккорд.

— Не встречала таких хамов, — тихо, почти беззвучно, сказала она в пустоту, глядя на пустой коридор, в котором он скрылся. Глаза защипало, но она сжала зубы. Плакать из-за какого-то качка? Ни за что. Она еще покажет этому Юсупову, кто тут «потерялся в жизни».

ГЛАВА 2

Инстинкт хищника

Ледяная вода душа обжигала разгоряченную кожу, смывая пот и усталость, но не смывала образ. Ильяс стоял, упершись рукой в кафельную стену, и сквозь шум воды в голове стояла одна картинка: девчонка. Молчанова.

В душевой «Империи» было стерильно чисто. Белый итальянский кафель, хромированные смесители, запах дорогого мыла. Все для людей, которые платят большие деньги. Но Ильясу сейчас было плевать на интерьеры.

Каштановые волосы, собранные в этот дурацкий, тугой пучок, открывающий тонкую шею. Глаза голубые, чистые, как полярный лед. И взгляд. Этот взгляд! Она смотрела на него, как на экспонат в зоопарке. Без страха. Без заискивания. С каким-то дурацким, интеллигентным любопытством, словно изучала букашку под микроскопом.

За двадцать лет в бизнесе и десять в большом спорте он научился читать людей с полувзгляда. Он знал, кто перед ним: лохотронщик, лизоблюд, конкурент или влюбленная дурочка. Эту он прочитал сразу. И её вердикт был уничтожающим. Она мысленно поставила на нем клеймо: «Фу, какой». Примитивный. Грубый. Не ее круга. От этого бесило вдвойне.

Он со всей силы ударил кулаком по кафельной стене.

Хрустнули костяшки, боль отрезвила, привела в чувство. О чем он вообще думает? Какая-то сопливая журналистка, пришедшая брать интервью.

Ильяс фыркнул, выключая воду. Вода с шумом ушла в слив. Что она вообще забыла в его зале? Такие как Молчанова водятся в совершенно других местах. В библиотеках с пыльными книгами, в кофейнях, где подают латте с корицей, в офисах с кондиционерами, где пахнет бумагой и офисной ерундой. Хрупкие, правильные, верящие в сказки. Любовь, чувства, «мы будем жить долго и счастливо».

Любовь? Он знал этому слову настоящую цену. Женщины любят его деньги. Любят его тело. Любят его связи. Он любит их за то, что они есть, и за то, что их легко менять. Всё честно. Всё прозрачно. Любви нет в наличии. Есть спрос и предложение. Есть симпатия, уважение, страсть. Но любовь? Это товар, которого нет на складе. И не будет.

Через час, чистый, выбритый, пахнущий дорогим парфюмом, он снова превратился в Ильяса Юсупова — успешного бизнесмена, владельца сети крупного бизнеса, человека в идеально сидящем темно-сером костюме, рубашке с запонками и часы за полмиллиона на запястье. Он шел к выходу, мысленно уже переключившись на переговоры с поставщиками оборудования. Но проходя мимо ресепшена, он снова её увидел.

Анна сидела возле стойки. В том же дурацком строгом костюме. И читала книгу! Физическую, бумажную книгу! В его

зале, где люди смотрят в телефоны даже во время отдыха между подходами! Посетители сновали мимо, гремели железом за стеклом, о чем-то переговаривались, а она сидела, склонив голову к плечу, и читала. Что-то в этом жесте было до невозможности старомодное, трогательное и бесконечно раздражающее.

— Эй, — он подошел бесшумно и щелкнул пальцами прямо перед её лицом, заставляя оторваться от чтения.

Анна медленно, с какой-то королевской грацией, подняла глаза. Ни тени испуга. Только легкое, едва заметное раздражение, как от назойливой мухи.

— Я слушаю.

— Что это? — он кивнул на книгу в потрепанной обложке.

— «Анна Каренина», — спокойно ответила она, и в голосе проскользнула тень снисхождения. — Вам вряд ли будет интересно. Это классика.

Он усмехнулся. Наглость, с которой она его «отшивала», начинала забавлять всерьез.

— Ошибаешься. Люблю истории про баб, которые под поезд бросаются из-за несчастной любви. Поучительно. Сразу видно, к чему приводят эти ваши «чувства».

— Это история не про поезд, — Анна захлопнула книгу, и в её голосе проскользнули учительские нотки. Она смотрела на него снизу вверх, но казалось, это она нависает над ним. — Это история про то, как общество и предрассудки давят человека, заставляя его задыхаться в несвободе. Про то, что

даже самая сильная страсть может стать клеткой, если нет воздуха.

— Несвобода, — протянул Ильяс, опираясь руками о стойку и наклоняясь вперед, нависая над ней своей массой. — Слушай, книжная ты душа. Хочешь, я тебе открою секрет жизни? Один простой секрет? — он выдержал паузу, впиваясь взглядом в её голубые глаза. — Самая большая несвобода — это твои иллюзии. Ты думаешь, что если будешь хорошей девочкой, правильно питаться, читать умные книги, то мир тебя за это наградит принцем на белом коне? Не наградит. В реальности либо ты бьешь, либо бьют тебя. Третьего не дано.

Анна смотрела на его руки, сжимающие край стойки. Сильные пальцы, выступающие вены, тяжелые запястья. Руки убийцы, мелькнула у неё шальная, пугающая мысль. Или скульптора. Руки человека, который умеет не только разрушать. Слишком красивые для простого «качка».

— А вы, значит, бьете? — тихо спросила она. В её голосе не было вызова. Было что-то другое. Изучение. Попытка заглянуть за ширму.

Ильяс на секунду замер. От неожиданности. Она не испугалась, не отшатнулась, не начала оправдываться. Она спросила. В лоб.

— Всегда, — ответил он, сверля её взглядом, пытаясь найти в ней брешь. — И советую тебе, Молчанова, не попадаться мне под горячую руку, — он выпрямился, поправил пи-

джак. — И что ты тут забыла? Мало тебя послали?

— Изучаю материал для дипломной работы, — она говорила спокойно, но книгу прижала к груди, как щит. — «Коммуникация в условиях стресса». Вы, Ильяс Равильевич, отличный экземпляр для наблюдения. Простите за прямоту.

Он усмехнулся. Уже открыто. Экземпляр? Она назвала его экземпляром?

— Наблюдай, — разрешил он. — Только не обожгись.

Он резко развернулся и ушел, чеканя шаг по мраморному полу холла. А в голове стучала одна мысль: «Надо было её вышвырнуть сразу, как только увидел. Послать подальше, и дело с концом».

Но где-то в темном, инстинктивном уголке сознания, там, где живет древний хищник, тот самый, что когда-то выводил его на ринг и заставлял побеждать, нашёптывало другое: «Оставь. Пусть приходит. Будет весело. Интересно же посмотреть, как треснет эта фарфоровая куколка. Как она будет выглядеть, когда её правильный мирок разлетится на осколки».

ГЛАВА 3

Стратегия охоты

Анна вылетела из «Империи здоровья» как ошпаренная. Только оказавшись на улице, и вдохнув влажный вечерний воздух, она поняла, что всё это время почти не дышала. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, а в ушах всё еще стоял этот низкий, хрипловатый голос: «Иди-ка ты отсюда... Здесь бьют».

Она прошла два квартала быстрым шагом, сжимая в руках папку так, что побелели костяшки. Первый порыв был правильным и логичным — послать всё к черту. Написать в редакцию, что интервью сорвалось, что герой неадекватен, и забыть этого наглого самца как страшный сон.

Но чем дальше она уходила, тем сильнее внутри разрасталось другое чувство. Злость. Холодная, профессиональная злость. Ее успешная практика зависела от каприза этого самца? Ну нет!

Он посмел смотреть на неё как на пустое место.

Он посмел разговаривать с ней как с дешевой девкой.

Он бросил ей в лицо свои грязные бинты.

Анна остановилась посреди тротуара, пропуская спешащих прохожих, и посмотрела на свое отражение в витрине закрытого бутика. Из темного стекла на неё смотрела красивая, хрупкая девушка в строгом костюме, с аккуратным пуч-

ком каштановых волос и голубыми глазами, в которых сейчас горел нехороший огонек.

— Ну уж нет, Ильяс Равильевич, — прошептала она собственному отражению. — Так просто ты от меня не отделаешься. Я сделаю это интервью.

Это было уже дело принципа. Она, Анна Молчанова, круглая отличница, краснодипломница и гордость родителей, не позволит какому-то бывшему боксеру вытереть об себя ноги.

Следующие три дня Анна потратила на подготовку. Первым делом она позвонила своей лучшей подруге Кате, с которой они дружили с первого курса.

— Кать, ты же ходишь в какой-то фитнес? — спросила Анна без предисловий.

— Ага, в «Империю здоровья», — радостно отозвалась Катя. — А что? Решила заняться телом? А то вечно с книжками своими…

— Идем туда завтра, — перебила Анна. — На йогу. Или на что там у них есть вечером.

— Ничего себе! — присвистнула Катя. — А что случилось? Ты же терпеть не можешь спортзалы, говоришь, там пахнет носками и тестостероном.

— Изучаю материал, — сухо ответила Анна. — Для диплома.

Катя, конечно, не поверила, но спорить не стала. Подруга была девушкой легкой, улыбчивой и обожала любые аван-

тюры. Если тихоня Анна решила вдруг пойти в спортзал — значит, там определенно что-то происходит. И Катя горела желанием это выяснить.

На следующий день в шесть вечера они стояли в холле «Империи здоровья». Анна снова надела свой строгий костюм — назло ему, назло им всем. Пусть видят, что она здесь чужая. Пусть помнят, что она не отсюда. Катя, напротив, была в модных леггинсах с завышенной талией и коротком топе, открывающем плоский животик.

Анна сделала вид, что вообще не смотрит по сторонам. Но краем глаза сканировала пространство. Она знала, что он здесь. Интуиция подсказывала. И точно, когда они проходили мимо стеклянной стены зала единоборств, она его увидела.

Ильяс стоял у тяжелой груши, нанося серии ударов. Технично, мощно, безжалостно. Удар. Пауза. Удар. Каждая мышца на его спине перекатывалась под мокрой от пота кожей. Он был похож на машину, на идеально отлаженный механизм для убийства. Или для защиты. Анна поймала себя на том, что замедлила шаг, рассматривая его.

— Ого, — выдохнула Катя, тоже заметив объект. — Это кто? Аполлон? Почему я его раньше не видела? Запиши меня к нему на тренировки, срочно!

— Это хозяин, — равнодушно бросила Анна, хотя сердце пропустило удар. — И он не тренер. Пошли, мы опаздываем.

На йоге Анна не могла сосредоточиться ни на асанах, ни

на дыхании. Она прокручивала в голове план. Главное, чтобы он её заметил. Но не просто заметил, а запомнил. Чтобы в его наглой, самоуверенной голове застряла мысль: она здесь. Она не сдалась. Она пришла.

После занятия они задержались в холле. Катя болтала без умолку о каком-то парне с соседнего коврика, а Анна делала вид, что изучает расписание групповых программ. И тут из душевых вышел он.

Чистый, переодетый в узкие темно-синие джинсы и белую рубашку с закатанными рукавами, открывающими сильные руки. Волосы были влажными, зачесанные назад. Он шел к выходу, разговаривая по телефону, и сначала даже не заметил её. Но Анна смотрела прямо на него. Не отводя взгляда. Их глаза встретились.

Ильяс на секунду замер. Узнал. В его взгляде мелькнуло удивление, тут же сменившееся насмешкой. Он что-то быстро сказал в трубку, убрал телефон в карман и направился прямо к ней.

— Какая встреча, — протянул он, останавливаясь в опасной близости. — Молчанова, кажется? Ты чего тут забыла? Я же тебя выгнал.

— Вы меня не выгоняли, — спокойно ответила Анна, глядя снизу вверх. Наслаждаясь этим моментом. — Вы просто посоветовали уйти. А я пришла заниматься. Йога, восемь вечера, среда. Ваш клуб предоставляет такие услуги, насколько я знаю.

Катя стояла рядом, открыв рот, переводя взгляд с подруги на этого невероятного мужчину и обратно.

Ильяс усмехнулся. Усмешка вышла кривой, но в глазах зажглось что-то похожее на интерес.

— Йога, значит, — повторил он, окидывая её костюм насмешливым взглядом. — В этом? — он кивнул на её юбку. — Ты бы еще на каблуках пришла.

— Форма, это запасная одежда. Я не вижу смысла ходить в таком... в своей обычной жизни, — парировала Анна.

Она развернулась и, подхватив обалдевшую Катю под руку, направилась к выходу. Спина горела от его взгляда, но она шла ровно, не ускоряя шаг. Краем глаза она видела, как он смотрит им вслед.

— Аня, твою мать, — выдохнула Катя, когда они вышли на улицу. — Кто это? Что это было? Вы знакомы? Почему он на тебя так смотрел? Ты чего мне не рассказывала?!

— Потом, Кать, — отмахнулась Анна, но внутри пело торжество. — Это только начало.

Следующие две недели превратились в хорошо спланированную военную операцию. Анна купила абонемент. Самый дешевый, на йогу два раза в неделю. Но ходила она не только на йогу. Она приходила за час до занятия и бродила по клубу с умным видом, делая вид, что изучает тренажеры, пьет воду из кулера, читает объявления на доске информации.

Она появлялась в поле зрения Ильяса с завидной регулярностью. То она «случайно» проходила мимо зала едино-

борств в тот самый момент, когда он заканчивал тренировку. То сидела в холле с книгой, когда он проходил к выходу. То «забывала» бутылку с водой у стойки и возвращалась за ней, когда он разговаривал с администратором.

И каждый раз она смотрела на него спокойно, с легким вызовом. Как на объект исследования. Как на экспонат. Первые дни он просто усмехался, проходя мимо. Потом начал замечать. А потом, задерживать взгляд дольше, чем следовало.

— Опять ты, Молчанова? — бросил он как-то, проходя мимо.

— Опять я, Юсупов, — кивнула она, не отрываясь от книги.

— Книжку-то хоть интересную читаешь? — не удержался он.

— «Преступление и наказание», — ответила она, поднимая глаза. — Про одного человека, который считал, что ему всё позволено, потому что он сильный.

— И чем кончилось? — усмехнулся он.

— Плохо, — улыбнулась Анна. — Очень плохо. Прочтите, узнаете.

Он хмыкнул и ушел. Но Анна видела, что задела. Зацепила. Крючок заглотнут.

Через две недели Анна поняла: пора. Дальше тянуть нельзя, либо сейчас, либо он привыкнет и интерес пропадет. Она пришла в клуб в субботу утром, когда там было особенно

людно. Она знала, что по субботам у Ильяса нет тренировок, но он часто заезжает проверить, как идут дела. Анна подкараулила его у входа в администраторскую.

— Ильяс Равильевич, — окликнула она, и голос её звучал ровно, уверенно, профессионально. — Можно вас на минуту?

Он обернулся. Удивленно поднял бровь.

— Слушаю.

Анна достала из папки официальный бланк. Плотная бумага, логотип журнала, печать, подпись главного редактора. Она подготовилась основательно.

— Вот, — она протянула ему лист. — Это официальное предложение от редакции журнала «Столица». Полоса о успешном бизнесмене, формирующем облик современного спорта в городе. Право на рекламу вашего фитнес-клуба. Полный разворот, цвет, глянец. Бесплатно. Взамен — интервью. Один час вашего времени.

Ильяс взял лист, пробежал глазами. Нахмурился. Поднял взгляд на Анну. В его карих глазах читалась сложная гамма чувств: удивление, недоверие, уважение и... раздражение. Ему не нравилось, что его поставили в положение, где он не может просто послать.

— Это ты всё подстроила? — спросил он тихо.

— Я всего лишь журналист, выполняющий редакционное задание на практике, — Анна смотрела ему прямо в глаза. — Вы можете отказаться. Полоса достанется вашему конку-

ренту — «Олимпии». Они уже согласны. Но, — она сделала паузу, — мне показалось, что «Империя здоровья» достойна большего. Это просто бизнес, Ильяс Равильевич. Ничего личного.

Она специально использовала его же фразы. «Это просто бизнес. Всё честно».

Ильяс смотрел на неё долго, очень долго. Изучал. Сканировал. Искал подвох, слабину, брешь.

— Ты рисковая, Молчанова, — наконец сказал он. — Я же тебя предупреждал.

— Я помню, — кивнула она. — «Здесь бьют». Но я пришла не драться. Я пришла работать. Это разные вещи.

Он усмехнулся. На этот раз усмешка была другой. Не насмешливой, не злой. Усталой, что ли.

— Ладно, — сказал он, складывая лист пополам и убирая в карман пиджака. — Уговорила. Когда и где?

Анна внутренне выдохнула, но виду не подала.

— Завтра, в два, здесь, в вашем кабинете, — она протянула ему визитку. — Это мои контакты, если у вас что-то изменится. До завтра, Ильяс Равильевич.

Она развернулась и пошла к выходу, чувствуя спиной его тяжелый, сверлящий взгляд. Сердце колотилось где-то в горле, колени дрожали, но она шла ровно, гордо, как королева, выигравшая битву.

— Молчанова! — окликнул он, когда она уже взялась за ручку двери.

Она обернулась.

— Ты на что рассчитываешь? — спросил он в упор. — Что я растаю? Стану милым и пушистым? Не дождешься.

— Я рассчитываю на профессиональное интервью, — ответила Анна. — А вы, Ильяс Равильевич, можете оставаться любым. Мне даже интереснее, если вы будете в своем репертуаре. Материал получится живым.

И она вышла, оставив его стоять посреди холла с совершенно непередаваемым выражением лица.

«Боже, я сделала это. Я сделала это! Он согласился. Молчанова, ты гений. Или сумасшедшая. Время покажет», – думала Анна.

Ильяс поднялся к себе в кабинет и смотрел на визитку девушки.

«Ну, Молчанова... Ты либо очень смелая, либо очень глупая. Или... — он усмехнулся своим мыслям, — или очень умная. Интересно, кто же ты на самом деле? Что ж, завтра узнаем. Игра начинается».

ГЛАВА 4

Правила ведения боя

Анна не спала всю ночь. Она лежала на кровати в своей съемной квартире и смотрела в потолок, по которому плясали тени от фар проезжающих машин. Рядом на тумбочке лежал блокнот с набросанными вопросами, диктофон на зарядке и распечатанное досье на Ильяса Юсупова, которое она собрала по крупицам за последние две недели.

Сорок третий размер ноги. Любит черный кофе без сахара. Был чемпионом России по боксу среди юниоров, ушел из спорта после травмы плеча. Разведен, детей нет. Последние три года не замечен в серьезных отношениях. Сколотил состояние на сети фитнес-клубов, но имеет доли в строительном бизнесе и ресторанном деле.

Сухие факты. Цифры. Даты. Но за ними стоял человек, который смотрел на неё вчера в холле так, что мурашки бежали по коже. Человек, чей голос снижался до интимного полушепота, когда он наклонялся слишком близко. Человек, чьи руки... Анна тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Это просто интервью, — сказала она вслух пустой комнате. — Ты журналист. Он объект. Всё, — голос предательски дрогнул.

На следующий день в 13:45 Анна снова стояла перед дверью с табличкой «Ильяс Равильевич Юсупов, генеральный

директор». Сердце колотилось где-то в горле, но внешне она была само спокойствие. Новый строгий белый костюм, волосы убраны в безупречный пучок, в руках — папка с диктофоном и блокнотом.

Она постучала.

— Войдите, — раздалось изнутри.

Анна глубоко вздохнула, мысленно пожелав себе удачи, и толкнула дверь. Кабинет оказался совсем не таким, как она ожидала. Никакой вычурной роскоши, никакого пафоса. Большое светлое помещение с панорамными окнами, выходящими на город. Минималистичная мебель: черный кожаный диван, стеклянный стол на хромированных ножках, стул с высокой спинкой. На стенах черно-белые фотографии боксеров в бою, пара наград за спиной в стеклянном шкафу.

Ильяс сидел за столом в белой рубашке с закатанными рукавами, обнажающими сильные руки. Рубашка была расстегнута на верхнюю пуговицу, открывая основание шеи. На столе перед ним стояла чашка с черным кофе и лежали какие-то бумаги.

Он поднял голову, и их взгляды встретились. На долю секунды Анне показалось, что время остановилось. В его карих глазах не было вчерашней насмешки. Было что-то новое. Изучающее, серьезное, почти опасное.

— Проходи, Молчанова, — кивнул он на стул напротив. — Кофе будешь?

— Черный, без сахара, — ответила она, усаживаясь и

внутренне усмехаясь: она знала, что он пьет такой же.

Ильяс чуть приподнял бровь, но ничего не сказал. Поднялся, прошел к кофемашине в углу кабинета. Анна смотрела, как он двигается. Плавно, текуче, как хищник, который всегда начеку. Широкие плечи были обтянуты тканью рубашки, темные волосы аккуратно уложены. От него пахло дорогим парфюмом, свежестью и чем-то неуловимо мужским.

— Наблюдаешь? — спросил он, не оборачиваясь, ставя перед ней чашку.

— Изучаю, — поправила Анна, беря кофе. Руки чуть дрожали, но она надеялась, что он не заметит. — Спасибо.

Он сел напротив, откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди. Поза закрытая, но расслабленная. Хозяин положения.

— Ну, давай, журналистка, — усмехнулся он. — Удивляй. Только предупреждаю сразу: на банальные вопросы вроде «как вы добились успеха» и «каково это быть бизнесменом» я отвечать не буду. Скучно.

Анна внутренне усмехнулась. Она готовилась к этому.

— Не бойтесь, Ильяс Равильевич, — она достала диктофон, положила на стол между ними. — Мне самой неинтересно про успех. Мне интересно про вас.

Он чуть наклонил голову, внимательно глядя на неё.

— Это интервью для делового журнала или исповедь? — в голосе проскользнула насмешка.

— Это интервью для людей, — Анна включила диктофон. — Которые хотят понять, что стоит за цифрами в отчетах. За стеклом и бетоном ваших клубов. Кто вы, Ильяс Юсупов? Не генеральный директор, а человек.

Повисла пауза. Длинная, тягучая. Ильяс смотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то... странное. То ли уважение, то ли опаска.

— Рисковая ты, Молчанова, — тихо сказал он. — Ладно. Попробуй.

— Почему бокс? — спросила Анна, открывая блокнот. — Не футбол, не теннис, не плавание. Именно бокс.

Ильяс усмехнулся, но усмешка вышла какой-то ностальгической.

— Отец привел. В семь лет. Сказал: «Сынок, в жизни надо уметь защищаться. А лучше нападения — защита, сам знаешь», — он пожал плечами. — А мне понравилось. Честный спорт. Ты и противник. Никаких команд, никаких оправданий. Проиграл, значит, был слабее. Выиграл, значит, работал больше.

— А травма? — Анна смотрела прямо, не отводя взгляда. — Говорят, вы ушли после травмы плеча. Это правда?

Ильяс чуть напрягся. Руки, лежащие на столе, сжались в кулаки на секунду и расслабились.

— Правда. Разрыв связок. Операция, полгода восстановления. А пока я восстанавливался, все менялось. Пока я жалел себя, другие строили... — он усмехнулся жестко, безра-

достно. — Я понял тогда одну вещь: мир не ждет, пока ты залечишь раны. Либо ты бежишь, либо тебя догоняют и съедают.

Анна что-то записала в блокнот.

— Звучит цинично.

— Это не цинизм, Молчанова. Это реальность, — он подался вперед, и стол между ними вдруг показался слишком маленьким. — Ты вот книжки читаешь про любовь, про чувства. Думаешь, мир справедлив? Думаешь, если ты хорошая, добрая, умная, то тебя ждет принц и счастливая жизнь? Не ждет. Миру плевать на твои книжки. Миру важно, кто сильнее.

— И вы считаете себя сильным? — тихо спросила Анна.

— Я знаю, что я сильный, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Потому что я выжил. Потому что я построил всё это с нуля. Потому что я не жалею себя и не ною.

— А одиночество? — вопрос вырвался раньше, чем Анна успела его обдумать. — Вы сильный, успешный, красивый. Но вы один. Это плата за силу?

Повисла тишина. Густая, тяжелая. Ильяс смотрел на неё так, что Анне захотелось провалиться сквозь землю. Она перешла черту. Спросила то, что не имела права спрашивать.

Но он вдруг усмехнулся. Коротко, зло.

— А ты смелая, Молчанова, — он откинулся на спинку кресла. — Одиночество — это не плата. Это выбор. С бабами, которые лезут в постель, потому что у меня деньги и тач-

ка, я и сам не хочу быть. А других... — он пожал плечами, — других я не встречал. Или они меня не интересуют.

— А какие интересуют? — спросила Анна, и голос её прозвучал хрипло. Она ненавидела себя за этот вопрос, но не могла остановиться. Профессионал в ней знал, что женщинам это будет очень интересно.

Ильяс медленно перевел взгляд с её лица на строгий костюм, на руки, сжимающие ручку, и снова в глаза.

— Интересные, — сказал он тихо. — Те, с кем не скучно. Те, кто не боится. Те, кто смотрит в глаза, даже когда страшно. Те, кто не гнется.

Пауза. Тикали часы на стене. Где-то в коридоре прозвучали шаги и стихли.

— Как вы, Молчанова, — закончил Ильяс, и в его голосе не было насмешки. Было что-то другое. Что-то, от чего у Анны перехватило дыхание.

— Я... — Анна отвела взгляд первой, не выдержав. Сердце колотилось где-то в горле. — Может, сделаем паузу? Я проверю диктофон.

— Боишься? — усмехнулся он, но беззлобно.

— Нет. Просто... — она сделала глоток остывшего кофе, пытаясь собраться. — Вы играете не по правилам.

— А в боксе нет правил, Молчанова, — тихо сказал Ильяс. — Там есть только ты, твой противник и желание победить. Всё остальное — иллюзия.

Он встал, подошел к окну. Солнце светило ему в спину,

очерчивая мощный силуэт.

— Знаешь, почему я согласился на это интервью? — спросил он, не оборачиваясь.

— Потому что я принесла выгодное предложение, — механически ответила Анна.

— Нет, — он обернулся, и солнечный свет ударил ей в глаза, заставляя щуриться. — Потому что ты первая за последние пять лет, кто не просил у меня ни денег, ни помощи, ни связей. Ты пришла и сказала: «Я возьму то, что мне нужно, сама». Это... редкость.

Анна молчала, не зная, что ответить.

— Давай дальше, — Ильяс вернулся за стол. — Спрашивай, что хотела. Я обещал час. Время идет.

Оставшиеся сорок минут пролетели как один миг. Анна спрашивала о бизнесе, о планах, о философии, о том, как он видит развитие спорта в стране. Ильяс отвечал. Уже спокойнее, без провокаций, но каждое его слово было точным, выверенным, как удар.

Она узнала, что он финансирует детскую спортивную школу в своем родном городе. Что трижды в год его клубы проводят бесплатные тренировки для детей из малообеспеченных семей. Что он спит по шесть часов в сутки и не помнит, когда в последний раз брал отпуск.

— Вы работаете как проклятый, — подвела итог Анна. — Зачем? Денег у вас и так достаточно.

— Затем, — ответил Ильяс, глядя куда-то в сторону, —

что, если я остановлюсь, меня накроет. То, от чего я бегу, догонит.

— А от чего вы бежите? — спросила Анна, и вопрос повис в воздухе.

Ильяс перевел на неё взгляд. Долгий, тяжелый.

— От себя, Молчанова. От того парня, который проиграл и сдался. От того, кто пожалел себя однажды и чуть не сдох от жалости, — он усмехнулся. — Достаточно откровенно для твоей статьи?

— Более чем, — тихо ответила Анна. Она выключила диктофон и убрала его в сумку. — Спасибо, Ильяс Равильевич. Это было... неожиданно.

— В каком смысле? — он прищурился.

— Я думала, вы будете ломать комедию. Играть в крутого бизнесмена. А вы... — она запнулась, подбирая слово, — настоящий.

Ильяс усмехнулся, но усмешка вышла какой-то мягкой, необычной для него.

— Ты тоже, Молчанова, — сказал он тихо. — Ты тоже настоящая. Это редкость в наше время.

Она поднялась, поправила пиджак. Пора было уходить, пока она не наделала глупостей. Пока не сказала лишнего. Пока не посмотрела на него ещё раз так, чтобы он понял всё.

— Я пришлю статью на согласование, — деловым тоном сказала она. — И макет полосы. До свидания.

Она уже взялась за ручку двери, когда его голос остановил

её:

— Молчанова.

Она обернулась.

— Ты завтра на йогу? — спросил он, и в глазах плясали чертики.

— В среду, — ответила она, не понимая, к чему он клонит.

— Я тоже подумываю заняться йогой, — невозмутимо сказал Ильяс. — Говорят, расслабляет. Может, увидимся.

Анна замерла на секунду, а потом улыбнулась. Впервые за всё время их знакомства — открыто, тепло, чуть растерянно.

— Боксер на йоге, — протянула она. — Это будет зрелище. Не пропущу.

И вышла, оставив дверь открытой.

Анна стояла в лифте, прижимаясь спиной к холодной стене, и думала: «Что это было? Что это, черт возьми, было? Он смотрел на меня так, будто... Нет. Не думай. Это просто интервью. Просто работа. Йога в среду — просто совпадение. Или нет? Боже, Молчанова, ты влипла».

Ильяс смотрел в окно из своего кабинета и сказал сам себе:

— Ну, Юсупов, ты попал. Тридцать пять лет, баб перевидал всяких, и тут какая-то студентка с книжкой... А она не гнется. Смотрит в глаза. Не боится. Интересная. Черт, какая же она интересная, — он усмехнулся. — Интересно, как она отреагирует, когда я приду? Пошлет или ляжет под меня?

ГЛАВА 5

Йога для чайников

Среда наступила быстрее, чем Анна успела к ней подготовиться. Два дня после интервью она провела как в тумане. Пыталась писать статью, строчки расплывались перед глазами. Пыталась читать, буквы складывались в его голос. Пыталась спать, перед глазами стоял его обжигающий взгляд, когда он сказал: «Интересные. Как вы, Молчанова».

Катя звонила каждый час, требуя подробностей.

— Он просто сказал, что придет на йогу? — не верила Катя. — Ань, ты понимаешь, что это значит? Он клеит тебя! Такой мужик! Аполлон! Клеится к тебе!

— Он не клеится, — устало отбивалась Анна. — Он издевается. Ему скучно, он развлекается.

— Ага, развлекается он, — фыркала Катя. — Бизнесмен с миллионными оборотами будет тратить время на то, чтобы развлекаться за счет студентки. Нет, девочка моя, тут что-то другое.

Анна и сама это понимала. Но признаться себе в том, что это «другое» может быть взаимным интересом, было страшно. Слишком страшно.

В среду утром она перемерила весь свой скромный гардероб. В итоге остановилась на темно-синих леггинсах, свободной белой футболке и олимпийке, повязанной на бедра.

Волосы собрала в высокий хвост. Минимум макияжа, только тушь и блеск для губ.

— Ты идешь на йогу, а не на свидание, — сказала она своему отражению. — Повтори: не на свидание.

Отражение смотрело на неё с сомнением.

Зал для йоги находился на третьем этаже «Империи здоровья». Просторное помещение с панорамными окнами, плиточным полом и легким запахом ладана. Анна пришла за десять минут до начала, расстелила коврик в углу, откуда был виден вход, и попыталась сосредоточиться на дыхании.

Не помогало. Сердце колотилось, как у зайца. Она ловила себя на том, что каждые пять секунд поглядывает на дверь.

— Расслабься, — шепнула она себе. — Если придет, то придет. Если нет, значит, это была шутка.

В зал начали заходить другие занимающиеся. Знакомая девушка с соседнего коврика, пожилая дама в смешных носках, парень с дредами. Катя пришла, плюхнулась рядом и сразу зашептала:

— Ну что? Будет? Не будет? Я вся на нервах!

— Кать, успокойся, — шикнула на неё Анна. — Имей достоинство.

И в этот момент дверь открылась. Ильяс Юсупов вошел в зал для йоги так, как гладиатор входит на арену. Уверенно, спокойно, с видом человека, которому принадлежит весь мир, включая этот центр, эти окна и этих людей.

На нем были свободные черные штаны для единоборств

и простая белая футболка, обтягивающая торс так, что было видно каждую мышцу. На ногах были обычные носки, потому что обувь он, видимо, оставил у входа. В руках находился новенький, даже нераспакованный коврик для йоги в чехле.

Он окинул взглядом зал, нашел Анну глазами и чуть заметно усмехнулся. Потом прошел к стойке с инвентарем, невозмутимо распаковал коврик и расстелил его прямо рядом с Анной. Вплотную. Так, что их коврики соприкасались краями.

— Привет, Молчанова, — сказал он, садясь на коврик с грацией медведя, который пытается изобразить балерину. — Не опоздал?

— Добрый вечер, — выдохнула Анна. — Ты... вы... серьезно?

— Абсолютно, — кивнул он, не сводя с неё глаз. — Обещал же. Йога, говорят, расслабляет. А я человек слова. И можно на "ты".

Катя рядом чуть не задохнулась от восторга и уткнулась в свой коврик, делая вид, что медитирует, хотя на самом деле подглядывала сквозь ресницы.

Инструктор, худощавая девушка с длинной косой и ангельским голосом вошла в зал и слегка опешила, увидев хозяина центра на коврике. Но быстро взяла себя в руки.

— Начинаем, — голос инструктора обволакивал, тягучий и сладкий, как карамель. — Закройте глаза. Сделайте глубокий вдох. Почувствуйте, как воздух наполняет вас. Почув-

ствуйте своё тело.

Ильяс послушно опустил веки. Анна же, воспользовавшись моментом, позволила взгляду скользнуть по нему. Осторожно, крадучись. Даже в статике, с закрытыми глазами, он не расслаблялся. Широкие плечи, бугры мышц на мощной шее, тяжелые руки, спокойно лежащие на коленях, но в их неподвижности чувствовалась готовность к броску. Хищник, притворившийся ручным.

— А теперь, — продолжала инструктор, — откройте глаза. Переходим к разминке. Наклоны головы. Вдох, голову вправо... выдох – влево.

Они двигались в унисон, и Анна каждым нервом, каждой клеткой кожи чувствовала его присутствие. Когда тянулись вверх, его рука оказывалась в опасной близости от её плеча, воздух между ними будто искрил. Когда наклонялись вперед, их головы почти соприкасались, и Анна на секунду задержала дыхание, боясь, что он услышит, как гулко колотится её сердце.

— Поза воина, — разнеслось по залу. — Широкий шаг вперед. Руки в стороны. Взгляд за переднюю руку.

Ильяс шагнул, и между ними осталось не больше полуметра. Он стоял прямо напротив, и его глаза — темные, бездонные — впились в неё. Взгляд впился во взгляд.

— Ты специально? — одними губами спросила Анна. Вопрос прозвучал как сдавленный выдох.

— Абсолютно, — беззвучно ответил он. В уголках его губ

дрогнула усмешка, а в глазах заплясали бесенята, от которых у неё внутри всё перевернулось.

Они застыли друг напротив друга. Анна чувствовала, как под его взглядом загорается кожа. В зале работали кондиционеры, нагоняя прохладу, но ей казалось, что она стоит у распахнутой топки.

— Дышите, — напомнила инструктор где-то на периферии сознания. — Не задерживайте дыхание.

Анна с ужасом осознала, что действительно не дышит. Воздух застрял в горле, спертый, горячий.

Следующие сорок минут превратились в сладкую пытку. Каждая асана была пропитана током.

В «собаке мордой вниз» Анна смотрела сквозь собственные ноги и видела, как Ильяс, неуклюжий и огромный, пытается копировать ее движения. Он делал это с такой сосредоточенной серьезностью, что ей хотелось одновременно рассмеяться и коснуться его губ. Пальцем. Языком.

В «треугольнике» их руки почти соприкасались, и Анна чувствовала исходящий от него жар физически, почти осязаемо.

В «свече», лёжа на спине с задранными ногами, она видела его перевернутое лицо рядом. Он смотрел на неё открыто, впервые не скрываясь, и улыбнулся. Тепло, почти нежно.

— У меня хорошо получается, — шепнул он, краем глаза следя за инструктором.

— Ври больше, — выдохнула Анна. — Ты как слон в по-

судной лавке.

— Зато рядом с тобой, — парировал он мгновенно.

У Анны перехватило дыхание, и она чуть не потеряла равновесие.

Наступило время шавасаны — позы полного расслабления. Все легли на спину, закрыли глаза. Инструктор включила медитативную музыку, и её голос поплыл над телами:

— Расслабьте стопы... отпустите напряжение в ногах... почувствуйте, как тяжесть уходит...

Анна лежала с закрытыми глазами, но не чувствовала ничего, кроме него. Тепло его тела прожигало воздух между ними. Дыхание, глубокое и ровное, почти сливалось с её. И вдруг, его прикосновение разорвало напряжение между ними. Его рука, твёрдая и горячая, накрыла её кисть, лежащую на полу между ковриками, и легонько сжала пальцы.

Анна замерла. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а затем понеслось вскачь, тяжело и гулко. Он держал её за руку. Посреди зала, полного людей. В тишине, под умиротворяющую музыку. Нагло. Открыто. Не скрываясь.

Она не открывала глаз. Боялась, что если откроет, то всё исчезнет, рассыплется, окажется сном. Но его пальцы — сильные, уверенные, переплетенные с её дрожащими пальцами — были самой острой реальностью.

— Спасибо, что ждала, — прошептал он еле слышно, почти касаясь губами её виска. Так тихо, что слова эти принадлежали только им двоим.

Анна вздрогнула, сжалась, не зная, как на это реагировать. Тело горело, разум кричал «беги», но рука не слушалась, и осталась лежать в его ладони до самого конца занятия.

Когда прозвучала команда заканчивать, они поднялись одновременно, словно их подбросила одна пружина. Анна торопливо сматывала коврик, боясь поднять глаза. Щеки пылали, пальцы дрожали так, что она чуть не уронила вещи.

— Молчанова, — позвал он, когда она уже почти вылетела в коридор.

Анна обернулась. Ильяс стоял в дверях, загораживая проход, огромный, красивый, невозможный. Взгляд тяжёлый, обжигающий.

— Кофе? — спросил он просто, но в голосе звучала ирония. — Здесь рядом есть приличное место.

Катя, наблюдавшая из-за угла, чуть не задохнулась от восторга и замахала Анне руками, беззвучно крича: «СОГЛАШАЙСЯ, ДУРА!»

Анна смотрела на Ильяса и понимала, что пропала. Что вся эта игра в йогу, в притворное равнодушие — просто способ не признаться себе в том, что случилось в ту самую секунду, когда она впервые увидела его выходящим из зала единоборств: потного, разгоряченного, с хищной грацией.

— Кофе, — повторила она, и голос прозвучал хрипло, низко. — Черный, без сахара?

— Ты уже знаешь, — усмехнулся он, и в глазах мелькнуло что-то собственническое.

— Я многое о вас знаю, Юсупов, — ответила она, и в голосе впервые прозвучала та самая дерзкая, порочная смелость, которая зацепила его с первого взгляда. — Например, что вы совершенно не умеете делать собаку мордой вниз.

— Научишь? — его зрачки расширились, а в глазах заплясали искры.

— С этим не ко мне, — выдохнула она, и уголки губ дрогнули.

— Я готов платить, — тихо сказал он.

Слова упали между ними тяжело, влажно, как пощёчина. Как начало чего-то страшного, запретного. Анна мгновенно окаменела. В глазах захлопнулась стальная дверь. Лицо превратилось в маску.

— У меня сегодня ещё важная встреча, — голос стал чужим, ледяным. — Давайте как-нибудь в другой раз.

Она развернулась и вышла. Спину сверлил его тяжёлый, прожигающий взгляд. А в ее ладонях образовался след от впившихся ногтей. И во рту был вкус крови от прикушенной губы, чтобы не разрыдаться от обиды и дикого желания.

ГЛАВА 6

Горький привкус обиды

Два дня Анна ходила сама не своя. Она прокручивала в голове тот разговор снова и снова. «Я готов платить». Эти слова жгли, как кислота. Как он посмел? Как он мог подумать, что она из тех, кто продается? Что значили весь этот флирт, эти касания, эта чертова йога? Всего лишь способ купить её внимание, а затем получить тело?

— Да забей ты, — уговаривала Катя, когда они встретились в университетском коридоре. — Мало ли что ляпнул. Мужики иногда вообще не думают, когда у них стояк.

— Катя!

— Что Катя? Правда глаза режет? Ань, он же конкретно тебя хотел. Просто сформулировал коряво. Бизнесмены они такие: всё через бабло меряют.

— Вот пусть и меряет дальше, — отрезала Анна. — Мне такие подходы не нужны.

Но внутри что-то ныло. Потому что она помнила не только дурацкую фразу про оплату. Она помнила его пальцы, переплетенные с её пальцами. Его шепот в шавасане. Его улыбку в позе «свечи».

В пятницу у неё была консультация по диплому. Она вышла из здания университета с тяжелой папкой в руках, уставшая, злая, с мыслями только о том, как бы добраться до дома

и упасть лицом в подушку.

И тут она увидела его. На нем были темные джинсы, простая белая футболка, обтягивающая грудь, и кожаная куртка-косуха, наброшенная на плечи. Темные очки скрывали глаза, но Анна знала, он смотрит прямо на неё. Увидел, как только она вышла.

Он ждал её у университета. Как мальчишка. Как герой подросткового романа. Как человек, которому плевать на статус, на бизнес, на возраст. Ему просто нужно было её увидеть.

Черный «Мерседес» представительского класса стоял прямо напротив главного входа, припаркованный поперек двух мест. Ильяс опирался на капот, скрестив руки на груди, и смотрел на выходящих студентов так, будто сканировал каждого.

Когда он увидел Анну, в глазах мелькнуло что-то хищное. Он отлепился от машины и двинулся к ней.

— Молчанова, — без приветствия, просто констатация факта.

— Юсупов, — Анна остановилась, вцепившись в папку, как в щит. — Вы чего тут делаете?

— Тебя жду, — просто сказал он. — Редакция прислала интервью на согласование. Я приглашаю тебя в ресторан. Сегодня вечером. Обсудим материал.

Анна опешила. Интервью? Какое интервью? Она же сдала его два дня назад. Но в тот же момент из-за угла вылетела

Катя с криком «Ань, ты здесь!» и затормозила, увидев Ильяса.

А за Катей шла целая компания. Антон с параллельного потока, вечно вьющийся вокруг Анны, и два его приятеля. Антон улыбался, размахивая какими-то бумажками.

— Аня! — крикнул Антон. — Я всё достал! Материалы по твоей теме, помнишь, ты просила? Можем сегодня в кафешке посидеть, обсудить, заодно пиццу съедим!

Ильяс перевел взгляд на Антона. Оценил. Джинсы, свитер, дурацкая вязаная шапка, небритый, взгляд восторженный. Щенок.

— Я пригласил Анну в ресторан, — холодно сказал Ильяс, глядя на Антона сверху вниз. — У нас деловая встреча.

— Ой, а вы, простите, кто? — нагло поинтересовался Антон, вставая рядом с Анной.

Ильяс чуть заметно напрягся. Челюсть сжалась. Катя, почуявшая запах жареного, замерла с открытым ртом.

— Я тот, кто даёт интервью её журналу, — ровно ответил Ильяс. Но в голосе звенела сталь.

Анна смотрела на него и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Он приехал. Нашел её. Встал у университета. Чтобы пригласить в ресторан. Какого черта?

— Извините, — сказала она, глядя прямо в его темные глаза. — У меня сейчас защита диплома. Я очень занята. Интервью мы уже сделали, всё, что нужно, я написала. Так что... мне нечего добавить к ранее изложенному.

Она развела руками.

Ильяс молчал. Смотрел на неё так, что Катя рядом, кажется, перестала дышать.

— Ты отказываешься? — тихо спросил он.

— Я занята, — повторила Анна.

Повисла пауза. Тяжелая, как бетонная плита.

— Ань, пошли, — позвал Антон, трогая её за локоть. — Чего стоять. Я правда такие материалы нарыл, тебе понравится.

Анна кивнула. Не оглядываясь на Ильяса.

— До свидания, — бросила она через плечо и пошла с компанией в сторону остановки.

Катя, помедлив секунду, рванула за ней, шепча на ухо: «Ты с ума сошла? Ты видела его лицо? Он тебя убьет! Он тебя трахнет, а потом убьет! Ань, ты вообще?». Но Анна не слушала. Она шла, сжимая папку так, что побелели костяшки.

Ильяс стоял у автомобиля и смотрел ей в спину. Его трясло.

Он, мать его, владелец сети фитнес-центров. Человек, которому не перечат. Который решает вопросы одним звонком. Он, нахрен, ходил на йогу. На йогу, Карл! Терпел эту дурацкую «собаку мордой вниз», делал вид, что ему интересно, таскал этот дурацкий коврик. Ради кого? Ради какой-то пигалицы в леггинсах, которая только и умеет, что строить из себя недотрогу? А она уходит с каким-то лощеным при-

дурком в вязаной шапке.

— Ну и пошла ты, — процедил Ильяс сквозь зубы.

Он развернулся, сел в машину, вдавил педаль газа так, что завизжали покрышки. Мерседес резко рванул с места, обдав стоящих рядом студентов выхлопом. Он решил больше не думать об этой девчонке. Выкинул из головы. Выжег каленым железом. Она никто. Пустое место.

Интервью? Да наплевать. Статья вышла, и ладно. Больше он ноги не переступит через порог этого долбаного университета. И йогу эту ненавидит. И леггинсы эти синие. И хвост этот дурацкий. И губы... Особенно губы.

— Да пошла ты, Молчанова, — вслух сказал Ильяс пустому салону.

Но перед глазами всё равно стояла её спина. И то, как она уходила, не оглянувшись.

Анна дошла до кафе, села за столик, слушала вполуха восторженную болтовню Антона о каких-то источниках, и чувствовала только одно: внутри, под ребрами, что-то противно ныло и не отпускало. Она его отшила. Сделала всё правильно. Поставила на место. Тогда почему так паршиво?

— Ань, ты слушаешь? — спросил Антон.

— А? Да, конечно. Материалы, да. Супер.

Она улыбнулась, но улыбка вышла кривой. Катя сидела напротив, буравила её взглядом и беззвучно шевелила губами: «Ты дура, ты просто дура». Анна отвернулась к окну. Там моросил дождь. И серые тучи отражались в лужах. И ни

одного черного мерседеса. Конечно. Уехал. И правильно.

Пусть едет.

Подальше.

От неё.

...Господи, как же хочется, чтобы он вернулся.

ГЛАВА 7

Пигалица

Звук ударов разносился по пустому залу единоборств, как выстрелы. Ильяс лупил грушу с такой силой, что цепь, на которой она висела, жалобно скрипела при каждом попадании. Кожа на костяшках уже была содрана, бинты пропитались потом и кровью, но он не останавливался. Не мог. Немыслимая злость бурлила, снося все на своем пути.

Каждый удар был в её чёртову спину, которая уходила от него. Каждый удар адресовался этому придурку в вязаной шапке, который посмел тронуть её за локоть. Каждый удар наносился в себя самого, идиота, который позволил какой-то девчонке залезть под кожу.

— Чёрт! — рявкнул он в пустоту.

Груша раскачивалась и пыталась увернуться от его ярости. Но он догонял, каждый раз и бил, вколачивал кулак в разношенную кожу снова и снова.

Перед глазами стояла только одна картина: как она уходила. Даже не обернулась. Эта тонкая спина, этот дурацкий хвост, эти леггинсы, которые он мысленно уже снял с неё тысячу раз за эту неделю.

Он представлял, как догоняет её прямо там, у университета. Хватает за руку, разворачивает к себе. Запрещает ей поворачиваться к нему спиной. Как целует — грубо, жадно,

не спрашивая. Как сжимает пальцами её затылок, запрокидывает голову, впивается в эти губы, которые она кусала, когда смотрела на него в зале. Вспоминал, как она пахнет, чем-то сладким, свежим, её собственным.

— Чёрт! — ещё один удар, от которого груша полетела в сторону.

В паху была тяжесть, пульсирующая, невыносимая. Стоило только закрыть глаза — и вот она. Под ним. На коврике для йоги. С разметавшимися волосами. С хриплым выдохом, когда он входит в неё. С руками, которые впиваются ему в спину.

— Заткнись, — приказал он себе вслух.

Не помогло. Голос звучал в голове: «Я многое о вас знаю, Юсупов». Ах ты ж маленькая дрянь. Дразнила. Играла. Позволяла держать себя за руку, дышать в висок, а потом? Потом ушла с каким-то щенком.

— Она никто, — процедил он сквозь зубы, останавливаясь и упираясь руками в грушу, тяжело дыша. — Пустое место. Интервью. Работа.

Но член стоял колом от одного воспоминания о том, как она выгибалась в «собаке мордой вниз». Как хвост падал на плечо. Как блестели губы.

Ильяс ударил по груше ещё раз, с рыком, и отошел, хватая полотенце.

Решение пришло мгновенно, холодное и циничное.

— У тебя член, у тебя есть деньги, — сказал он своему

отражению в зеркале. — Реши проблему как мужик. Забудь.

Он достал телефон. Пролистал контакты и нашел нужный. Нажал вызов.

— Алиса? Пришли кого-нибудь. Сегодня. Через час. Ко мне, — наступила тяжелая пауза. — Каштановые волосы. Длинные. И чтобы худая, но с грудью. Сделать можешь?

На том конце что-то ответили.

— Вот и отлично.

Он швырнул телефон на скамью и пошел в душ. Горячая вода обжигала спину, стекала по груди, но не смывала её образ. Ничего. Он заставит себя забыть. Трахнет эту проститутку так, что стены задрожат, и выкинет Молчанову из головы навсегда.

— Забудь ты его, — Катя решительно двигала по столу вторую стопку текилы. — Пей давай.

Анна послушно опрокинула в рот жгучую текилу, зажмурилась от обжигающей горечи, закусила лаймом. Кислота на языке смешалась с горечью в груди. Получался ядерный коктейль, который должен был если не вылечить, то хотя бы притупить.

В баре было шумно. Гремела попса из динамиков, кто-то танцевал, кто-то громко смеялся за соседним столиком, накурено было так, что глаза слезились. Но внутри Анны поселилась такая пустота, которую не мог заполнить ни шум, ни дым, ни алкоголь.

— Это была просто работа, — бормотала она, уставив-

шись в столешницу невидящим взглядом. — Интервью у бизнесмена. Я сделала свою работу. Идиотское интервью, которое никто не запомнит.

Катя, сидевшая напротив, подливала текилу с завидной регулярностью. Она понимала: подругу надо спасать. А лучший способ спасения в их студенческие годы был проверен веками.

— Конечно, работа, — поддакивала Катя, чокаясь с ней. — Подумаешь, мужик красивый. Подумаешь, на йогу ходил. Подумаешь, держал за руку. Работа!

— Кать, заткнись, — Анна спрятала лицо в ладонях.

Она была пьяна ровно настолько, чтобы разрешить себе думать о нём. Трезвая она запрещала, гнала мысли, переключалась, занимала себя делами. Но алкоголь снимал запреты, и теперь воспоминания нахлынули, смывая защитные барьеры.

Она думала о том, как пахло от него потом и дорогим парфюмом. Этот дикий, первобытный запах мужчины, от которого у неё подкашивались колени. О том, как он смотрел. Так, будто раздевал, но при этом видел душу, добирался до самых потаённых уголков. О том, как шепнул в шавасане: «Спасибо, что ждала». Будто они оба знали, что это случится. Будто судьба вела их друг к другу с самого начала.

— А он взял и всё испортил, — вслух сказала она, поднимая голову. Ее глаза блестели — то ли от слёз, то ли от текилы. — «Я готов платить». Скотина.

— Скотина, — кивнула Катя с чувством. — Баблом меряет. Не нужен нам такой.

— Не нужен, — эхом отозвалась Анна.

Они чокнулись и выпили снова. Третью. Четвёртую. Анна сбилась со счёта после пятой или шестой? И перестала пытаться контролировать происходящее. Голова тяжелела, мир становился ватным, мягким, безопасным, и в этом ватном мире уже не так сильно болело.

— Знаешь, что я сделаю? — заявила Анна, пытаясь встать и едва не рухнув обратно на стул. Катя подхватила её под локоть. — Я защиту завалю. Нет. Подожди. Я защиту сдам на отлично. Уеду в другой город. Или в другую страну. И никогда больше не увижу ни этого спортзала, ни этого... этого...

— Мерседеса, — подсказала Катя с хитрой улыбкой.

— Да! — крикнула Анна так громко, что на них обернулись. — Этого мерседеса! Чтоб он провалился! Чтоб у него колёса отвалились! Чтоб он встал посреди дороги!

В баре играла музыка, кто-то танцевал в углу, кто-то целовался, не обращая внимания на окружающих. Жизнь шла своим чередом. А Анна сидела, уставившись в одну точку на стене, и изо всех сил пыталась поверить в то, что завтра ей станет легче.

Не получалось.

ГЛАВА 8

Цена ошибки

Она приехала ровно через час. Пунктуальность, отработанная годами работы. Длинные каштановые волосы, худая фигура, грудь нужного размера. Всё как заказывал. Джинсы в обтяжку, высокие каблуки, ярко-красные губы, накрашенные с профессиональной тщательностью. Она улыбалась той особой улыбкой, которой улыбаются женщины, знающие цену своей красоты и тела.

— Скучал? — промурлыкала она, подходя ближе.

Ильяс молчал. Он развернул её резко, грубо, почти толкнул на кровать, навалился сверху, не давая опомниться. Быстро. Жёстко. Без прелюдий, без нежности, без тех слов, которые обычно говорят женщинам.

Он закрыл глаза. И сразу же перед внутренним взором возникла она. Анна. С её чистым запахом свежести и мяты. С её губами, блестящими прозрачным блеском, без этой вульгарной красной помады. С её тихими вздохами, которые он слышал только на йоге, когда они тянулись друг к другу.

Он вколачивался в тело под собой с яростью, с ненавистью, с отчаянием. Каждый толчок был ударом по собственному бессилию. Кровать скрипела на весь дом, и девушка вскрикивала по-настоящему, то ли от боли, то ли от неожиданности такой грубости.

— Тише, — рычал он, сжимая её бёдра так, что на коже наверняка останутся синяки.

В голове был только один образ. Анна. Анна, выгибающаяся под ним на коврике для йоги. Анна, кусающая губы, когда он смотрел на неё. Анна, шепчущая его имя. Анна, которая ушла. Которая выбрала какого-то щенка в вязаной шапке. Которая посмела от него уйти.

Он кончил с глухим стоном, в котором смешались боль и облегчение. Рухнул рядом, тяжело дыша, и сразу открыл глаза. Каштановые волосы. Чужие. Крашеные. Пахло дешёвыми духами с приторно-сладким ароматом.

Не те. Не она.

— Уходи, — бросил он коротко, встал с кровати и, даже не оглянувшись, ушёл в душ.

Девушка осталась лежать на скомканных простынях, растерянная, не понимающая, сделала ли она всё правильно. Деньги на тумбочке. Да, много, очень много. Но что-то было не так. Что-то было глубоко неправильно во всём этом.

Под горячей водой Ильяс стоял, упираясь лбом в прохладную кафельную стену, и смотрел, как вода уходит в слив, закручиваясь воронкой. В голове пульсировала одна мысль, простая и страшная в своей очевидности: он только что трахал одну женщину, а кончил от мыслей о другой. Ни хрена он её не забыл. Ни на секунду. Ни на миг.

— Чёртова пигалица, — прошептал он, а голос его отразился от кафеля глухим эхом.

В груди клокотала злость, перемешанная с тоской, такой острой, что, казалось, её можно было резать ножом. В паху была пустота, хотя тело только что получило разрядку. В голове — только её глаза. Серьёзные, смелые, с той самой искоркой, которая зацепила его с первого взгляда.

Он выключил воду, вышел, насухо вытерся, не глядя на девушку, которая всё ещё лежала на кровати, не решаясь уйти.

— Свободна, — бросил он, не оборачиваясь.

Она оделась быстро, молча, и через минуту входная дверь щёлкнула, закрываясь.

Ильяс остался один. Стоял посреди гостиной своего дома, смотрел в окно на ночной город и знал, что завтра сделает снова ту же ошибку. Поедет к университету. Будет ждать. Будет смотреть. Потому что не может иначе. Потому что она под кожей. Под рёбрами. В крови.

Потому что достала.

Потому что полюбил.

Но себе в этом он никогда не признается.

Ни за что.

Ночь прошла без сна. Ильяс ворочался до часу, сбивая простыни в комки, потом встал, налил виски до половины стакана и устроился в кресле у окна. Город под ним мерцал огнями, жил своей ночной жизнью, а он сидел в темноте и ненавидел себя так, как не ненавидел никогда. При одной мысли о том, что она сейчас с этим щенком, грудь стягивало

так, что было невозможно дышать.

Проститутка уехала почти сразу после душа. Он сунул ей денег вдвое больше обычного, не от щедрости, а чтобы не видеть эти чужие каштановые волосы, чтобы быстрее забыть этот фальшивый образ.

А он остался. С тем же стояком, который не проходил от мыслей о ней, той, что сейчас была далеко. С той же болью под рёбрами, которая свернулась там змеёй и жалила без остановки. С той же Анной в голове, которая заполнила всё пространство, не оставив места ни для чего другого.

— Да что ж ты за наказание такое, — хрипло прошептал он в пустоту.

За окном медленно светлело. Пять утра сменилось шестью, шесть — семью. Он не заметил, как пролетело время. Просто сидел и смотрел, как ночь уступает место рассвету, как зажигаются первые лучи солнца на стеклах высоток.

В семь тридцать он уже стоял под душем. В восемь брился, хотя обычно отпускал щетину на пару дней, не заморачиваясь. В восемь пятнадцать он выбирал рубашку. Три раза менял решение, как девчонка перед свиданием. В итоге надел тёмно-синюю. Ту, что под цвет её леггинсов, в которых она была на чертовой йоге. Ловя себя на этом, он хотел разорвать рубашку в клочья. Но не разодрал.

— Ты больной, Юсупов, — сказал он своему отражению в зеркале. Холодному, насмешливому, идеальному. — У неё вчера был какой-то хрен в вязаной шапке. Она ушла с ним,

даже не обернулась. А ты рубашку подбираешь в цвет её задницы.

Отражение молчало. Только смотрело с лёгкой усмешкой, будто спрашивало: «Ну и что дальше?»

Дальше он поехал. Конечно, поехал.

В девять утра чёрный «Мерседес» снова припарковался напротив университета. Ильяс заглушил двигатель, откинулся на сиденье и сжал руль так, что кожаный руль жалобно скрипнул.

Он обещал себе не приезжать. Но он приехал.

Он обещал себе забыть. Но он не мог.

Оставалось только ждать.

Анна проснулась с дикой головной болью и ощущением, что во рту переночевала рота солдат, причём в обуви.

— Мамочки, — простонала она, накрывая голову подушкой и пытаясь спрятаться от безжалостного солнечного света, пробивавшегося сквозь щели в шторах.

Катя рядом заворочалась, что-то промычала нечленораздельное и снова захрапела. Вчера они еле доползли до квартиры. Точнее, Катя доползла, а Анну почти дотащила. Упали на кровать прямо в одежде и отрубились. Анна до сих пор была в джинсах и футболке, которые пропахли баром, текилой и чужим табачным дымом.

Она села на кровати, держась за голову обеими руками, и попыталась восстановить хронологию вчерашнего вечера. Текила. Лайм. Соль. Катя с тостом «забей». Её собственное

обещание уехать в другой город. Потом — провал. Чёрная дыра. Но сквозь эту дыру пробивалось одно — его лицо. Ильяса. С его безумными глазами и словами, которые жгли до сих пор.

— Всё правильно сделала, — прошептала она, но голос предательски дрогнул и сорвался.

Она встала, пошатываясь, доковыляла до душа, встала под горячую воду и стояла так минут двадцать, пока пар не заполнил всю кабинку, пока кожа не покраснела, пока вода не смыла хоть часть этой липкой гадости с тела и души. Вода стекала по лицу, смешиваясь со слезами, которые она запретила себе замечать. Она не плачет. Это просто... вода. Да, просто вода. Которая течёт из глаз. Потому что душ. Потому что шампунь попал. По любой причине, только не потому, что больно.

Из душа она вышла красная, распаренная, с мокрыми волосами, прилипшими к лицу и шее. Посмотрела на себя в запотевшее зеркало, провела рукой, стирая влагу. На неё смотрела незнакомка. Красные глаза, опухшие веки, синяки под глазами. Ночь алкоголя и слёз не прошла бесследно.

— Красавица, — криво усмехнулась она своему отражению. — Такую Юсупов захотел бы в свои куклы? С ума сойти!

Отражение промолчало. Только смотрело с укором.

Она натянула чистые джинсы, свободный свитер, собрала мокрые волосы в небрежный пучок на затылке. Надо идти

в университет. Консультация по диплому. Жизнь продолжается, даже когда хочется лечь и умереть.

— Кать, вставай, — толкнула она подругу, всё ещё лежащую лицом в подушку. — На пары опоздаем.

— Убей меня сразу, — взмолилась Катя, не поворачиваясь. — Или вызови скорую. Скажи, что я отравилась вчера несвежей текилой.

— Сама вчера эту текилу выбирала.

— Значит, ослепла временно. Или сошла с ума. Да, точно. Я сошла с ума и не отвечаю за свои действия.

Анна вздохнула и вышла из квартиры. В голове стучали молотки, в груди ныло так, будто там поселилась больная совесть, но она заставила себя улыбнуться. Она справится. Она сильная. Она...

Она вышла из многоэтажного дома, с трудом добралась до университета на автобусе и замерла, будто наткнулась на невидимую стену. Перед ней стоял чёрный «Мерседес». На том же самом месте, что и вчера. Ильяс в тёмно-синей рубашке, с тёмными кругами под глазами и с таким выражением лица, будто его пытали всю ночь, не переставая. Он смотрел прямо на неё сквозь лобовое стекло.

Сердце Анны пропустило удар. Потом ещё один. А потом понеслось вскачь так, что зашумело в ушах, заглушая утренний город.

— Нет, — прошептала она одними губами. — Только не это. Только не сейчас.

Она развернулась и пошла в другую сторону. В обход, через парк, дворами, куда угодно, лишь бы не проходить мимо него, не видеть этих глаз, не чувствовать, как подкашиваются колени.

— Молчанова!

Его голос настиг её. Низкий, хриплый, с металлическими нотками, от которых по спине побежали мурашки. Она зажмурилась на секунду, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и пошла быстрее.

Сзади хлопнула дверца машины. Тяжёлые шаги отдавались не только в голове, но и в сердце. Он догонял. Ближе. Ещё ближе. Совсем рядом.

— Стоять! — рявкнул Ильяс так, что прохожие обернулись, а женщина с коляской испуганно прижала ребёнка к себе.

Его рука сжала её локоть, резко разворачивая к себе. Анна вскинула голову, готовая защищаться, кусаться, царапаться, орать всё, что накипело, и задохнулась. Потому что в его глазах была не злость. Не похоть. Не собственничество, которое она ожидала увидеть. Там была такая дикая, неприкрытая, обнажённая боль, что у неё подкосились ноги.

— Ты... — выдохнул он, глядя на неё в упор, не отпуская локоть. — Ты что со мной делаешь?

– Я... ничего, – проблеяла Анна.

– А чего ты такая красивая? Ты чем всю ночь занималась? – нахмурившись спросил Ильяс.

– Я... с подругой... мы... в баре... – отрывками памяти отвечала Анна от неожиданности допроса, напоминающего родительский. – А что вам собственно нужно от меня?

Смелость к ней пришла неожиданно, как лавина, стоило только вспомнить о родителях.

— Молчанова, — выдохнул Ильяс, отрываясь взглядом от её губ.

— Что? — она стояла и смотрела в упор.

— Выходи за меня.

От неожиданности и невозможности происходящего Анна распахнула глаза.

— Что?

— Ты повторяешься. Я сказал, выходи за меня. Замуж. Прямо сейчас. Ну или после защиты. Или через год. Как скажешь. Но я решил. Ты моя. Навсегда, – твердо заявил Ильяс, проклиная свою зависимость от этой упрямой гордой девчонки.

Анна смотрела на него и не верила своим ушам. Выйти за него? Замуж? После того, как он предложил ей деньги? После того, как она видела, как он смотрел на неё, будто на вещь, которую можно купить? А профессия? Мечты? Карьера журналиста? В смысле, замуж?

— Ты... — начала она, и голос её дрогнул. — Ты серьёзно?

— Абсолютно, — кивнул Ильяс, и в его глазах не было ни тени насмешки. Только боль. Только отчаяние. Только что-то такое, от чего у Анны сжималось сердце.

Она заставила себя вспомнить его слова: «Я готов платить». Деньги. Оплата. Сделка. Она для него просто очередная женщина, которую можно купить за красивый ужин и дорогую машину.

— Ты предлагал мне деньги, — сказала она тихо. — А сегодня замуж? Ты сам-то слышишь себя?

— Я ошибся, — перебил он. — Я дурак. Я не умею это делать. Отношения. Ухаживания. У меня женщин было... много. Но они сами вешались. На машину, на деньги, на статус. А ты... ты первая, кто послал меня. Ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Анна. — Ты привык покупать. А я не продаюсь.

— Я знаю! — почти выкрикнул он. — Поэтому я здесь! Поэтому я ночь не спал, грушу бил, проститутку вызывал, и всё равно думал о тебе!

Анна вздрогнула. Проститутку? Он вызывал проститутку? Внутри всё перевернулось. От отвращения, от боли, от странной, непонятной ревности.

— Ты... — она отступила на шаг, высвобождая локоть из его руки. — Ты вызвал проститутку?

— Дурак, — глухо сказал Ильяс. — Думал, если пересплю с другой, то отпустит. А стало только хуже.

Анна отшатнулась, будто он ударил её.

— Не подходи ко мне, — прошептала она. — Ты... ты больной.

— Больной, — согласился он. — Тобой больной. И ле-

читься не хочу. Только ты мне нужна. Никто другой. Ты.

Она смотрела на него, красивого, невозможного, с безумными глазами и трясущимися руками... И чувствовала, как внутри разрывается что-то важное.

Она полюбила его. Любила так сильно, что это пугало. Но принять такое? Принять, что он пытался забыть её в постели с другой? Принять, что для него всё, даже чувства, измеряется деньгами?

— Нет, — сказала она твёрдо.

Ильяс замер.

— Что?

— Нет, — повторила Анна. — Я не выйду за тебя. Ни сейчас. Ни после защиты. Ни через год. Никогда.

– Чтооо? – прогремел голос Ильяса.

— Ты слышал, — перебила она. — Ты сказал «я готов платить». Ты вызвал проститутку, потому что так решил. Ты стоял здесь и рассказывал мне, как трахал другую. Ты понимаешь, как это дико звучит?

— Я сказал правду, — глухо ответил Ильяс. — Не люблю врать.

— Лучше бы соврал, — выдохнула Анна. — Лучше бы я не знала, что ты... что для тебя это нормально. Что можно одну трахать, а думать о другой. Что можно купить женщину на час, а потом предлагать замуж.

— Ты не так поняла...

— Всё я так поняла, — отрезала она. — Ты не умеешь

любить, Юсупов. Ты умеешь только покупать. И трахать. Но это не любовь. Это собственничество. Это болезнь.

Он молчал. Смотрел на неё так, будто она вынимала из него душу по кусочкам.

— Я не хочу быть твоей игрушкой, — продолжила Анна, а голос её дрожал, но она не останавливалась. — Не хочу, чтобы меня покупали. Не хочу ждать, пока ты поймёшь, что люди — не вещи. И не хочу быть заменой проститутке.

— Ты не замена, — выдохнул он. — Ты нужна мне.

— Поздно, — покачала головой Анна. — Ты всё испортил. Своими деньгами. Своей проституткой. Своей уверенностью, что меня можно купить.

Она развернулась и пошла. К университету. К своей нормальной, обычной жизни, в которой не было места этому безумию.

— Анна! — крикнул он вслед.

Она не обернулась. Ильяс стоял и смотрел, как она уходит. Снова. Второй раз на него смотрела ее спина. И он понимал, что теряет её навсегда.

Хотел догнать. Схватить. Умолять. Но ноги не слушались. Потому что впервые в жизни он понял: это не работает. Его деньги, его статус, его власть, здесь бессильны. Она уходила, а он оставался. С разбитым сердцем. С проклятой привязанностью. С пониманием, что сам всё разрушил.

— Чёртова пигалица, — прошептал он в пустоту.

Но в этом шепоте уже не было злости. Только боль. Бес-

конечная, как этот летний день. Безнадежная, как его неутолимое желание владеть этой женщиной, но не признавать, что любишь ее, что весь подчинен ей. Что твоя счастливая жизнь теперь зависит от этой пигалицы. Что она нужна тебе как воздух. И эта боль врезалась в память, с каждым ее удаляющимся шагом. Снова.

ГЛАВА 9

Собственный пьедестал

Анна влетела в аудиторию за пять минут до начала, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, с бешено колотящимся сердцем.

— Молчанова, вы чего такая дерганая? — удивился научный руководитель, пожилой профессор с вечной чашкой чая в руках. — Переволновались перед защитой?

— Да, — выдохнула Анна, падая на стул. — Именно. Переволновалась.

Она не слышала ни слова из того, что говорил профессор следующие полтора часа. Перед глазами стоял только он. Ильяс. С его бессонными глазами и хриплым голосом. С его признанием о проститутке и о том, что хотел ее забыть, но решил предложить выйти замуж.

— Молчанова! — голос профессора ворвался в её мысли. — Я спрашиваю, готовы ли вы к защите завтра?

— А? Да. То есть... — она заставила себя сфокусироваться. — Да, конечно. Всё готово.

— Странная вы сегодня, — покачал головой профессор. — Идите уже. И завтра чтоб собрались. Защита, а вы в облаках летаете.

Анна вылетела из аудитории, едва дождавшись окончания. В коридоре её перехватила Катя.

— Ну как? — зашептала она. — Очухалась после вчерашнего? Я сдохнуть хотела сегодня утром, но ты уже ушла. Ань, ты чего такая? Случилось что?

— Катя... — Анна схватила подругу за руку. — Он приходил.

— Кто?

— Юсупов. Он приехал. С утра стоял у университета. И он... он такое сказал...

И Анна пересказала всё. Про грушу, про проститутку, про признание. Катя слушала с открытым ртом, и с каждым словом её глаза становились всё круглее.

— Подожди, — перебила она. — Он тебе признался, что спал с проституткой, чтобы тебя забыть?

— Да!

— И предложил выйти за него замуж?

— Да!

Катя замерла на секунду, а потом взвизгнула так, что с соседней кафедры выглянул испуганный лаборант.

— Аня! — заорала Катя. — Ты что, не понимаешь? Он больной! Мужик бизнесмен, у которого баб табуны, бьёт грушу до крови, спит с проституткой и всё равно хочет тебя! Это же диагноз! Это же на всю жизнь!

— Тише ты! — зашикала Анна, но внутри всё пело.

— Чего ты стоишь? Беги от него! — Катя с округленными глазами стояла абсолютно испуганной ланью. — Беги, дура! Пока не поймал, этот извращенец!

На следующее утро Анна проснулась за два часа до будильника. Она лежала в темноте, смотрела в потолок и пыталась унять бешеное сердцебиение. Сегодня день, который определит всё. Сегодня защита диплома.

Ильяс ушёл из головы. Нет, не ушёл. Она просто задвинула его в самый дальний угол, заперла на замок и выбросила ключ. Сегодня нельзя думать о нём. Сегодня можно думать только о защите.

Она встала, приняла контрастный душ, тщательно высушила и уложила волосы. Надела строгий чёрный костюм, юбку-карандаш и пиджак поверх белой блузки. Туфли-лодочки на невысоком каблуке. Минимум макияжа, только тушь и прозрачный блеск для губ.

В зеркало на неё смотрела уверенная молодая женщина. Не та растерянная девчонка, которая вчера отказывала бизнесмену у входа в университет. Другая. Сильная.

— Ты сможешь, — сказала она своему отражению. — Ты готова.

Катя ждала в коридоре квартиры, держа в руках свой талисман.

— Это тебе на удачу, — объявила она. — Я буду в зале. Буду болеть. Если что — кину в комиссию туфлей.

— Катя! — рассмеялась Анна. — Не надо туфлей.

— Ладно, не буду. Но буду делать страшные глаза, если они придерутся к ерунде.

Они обменялись смехом и пошли к университету. В этот

раз не оглядываясь. Чёрного «Мерседеса» на месте не было. И хорошо. Так и надо.

В аудитории уже собралась комиссия. Пять профессоров во главе с заведующим кафедрой. Научный руководитель Анны сидел в первом ряду и ободряюще кивал. Анна разложила презентацию, раздала раздаточный материал, включила проектор. Глубокий вдох. Выдох.

— Уважаемые члены государственной экзаменационной комиссии, — начала она, и голос звучал ровно, уверенно, без дрожи. — Вашему вниманию представляется выпускная квалификационная работа на тему: «Особенности освещения социально-значимых тем в современных российских СМИ».

Следующие двадцать минут пролетели как один миг. Анна говорила, и слова лились свободно, легко. Она знала эту тему досконально. Полгода исследований, сотня прочитанных статей, десятки интервью с журналистами. Она защищала не просто диплом, она защищала своё право называться профессионалом.

Когда она закончила, в аудитории повисла тишина. На секунду Анне показалось, что всё провалилось. А потом заведующий кафедрой начал аплодировать.

— Блестяще, Молчанова, — сказал он. — Просто блестяще. Я не слышал такого глубокого анализа даже от аспирантов.

Вопросы комиссии были скорее формальностью. Анна от-

вечала легко, с улыбкой, чувствуя, как растут внутри крылья. Через час, когда объявили оценки, она уже знала результат.

— Молчанова Анна Сергеевна, — торжественно произнёс заведующий. — Диплом с отличием. Поздравляю.

Анна зажмурилась на секунду, а потом мир взорвался аплодисментами. Катя вскочила с места и заорала так, что её было слышно, наверное, на другом конце города.

— Я же говорила! Я же говорила! А-а-а-а!

Анна вышла к друзьям, и её тут же закружили в объятиях. Однокурсники хлопали по плечу. Катя целовала в обе щеки. Научный руководитель жал руку и улыбался так, будто это был его личный триумф.

— Я горжусь тобой, девочка, — сказал он. — У тебя большое будущее.

Вечером они собрались в том самом баре, где Анна пыталась забыть Ильяса. Столик накрыли на двадцать человек, пришли все с кем Анна училась, дружила, общалась. Катя взяла организацию на себя и расстаралась на славу.

— За нашу звезду потока! — провозгласила Катя, поднимая бокал с шампанским. — За самую умную, самую красивую и самую упрямую девушку на всём журфаке!

— За Аню! — подхватили все.

Анна пила шампанское, смеялась, обнималась с друзьями и чувствовала, как внутри разливается тепло. Не то пьяное, ватное, которое было в прошлый раз, а настоящее, живое, счастливое. Она сделала это. Сама. Без чьей-либо помощи.

— Ань, а что теперь? — спросил Антон, который сидел рядом и смотрел на неё с обожанием. — Планы какие?

— Планы? — Анна улыбнулась. — Планы грандиозные. Завтра иду подписывать договор с телевидением. Берут в международный отдел.

— Офигеть! — восхитился Антон. — На телевидение? На федеральное?

— Ага. Буду делать репортажи. Может, даже за границу пошлют.

— Только не в горячие точки, — испуганно сказала Катя. — Ань, обещай, что не полезешь ни в какую войну. А то я тебя знаю!

— Не могу обещать, — рассмеялась Анна. — Это же журналистика. Войны — наша работа.

— Дура ты, Молчанова, — вздохнула Катя. — Но я тебя всё равно люблю.

Они чокнулись и выпили ещё.

Ночью, когда праздник закончился, Анна шла домой одна. Было тихо, свежо, пахло весной. Она остановилась у подъезда, подняла голову к небу и улыбнулась звёздам.

— Я справилась, — прошептала она. — Я всё могу.

И ни одного чёрного «Мерседеса» на горизонте не было. Ни одного. Ей казалось, что так и должно быть.

ГЛАВА 10

Чужое небо

Через неделю Анна вышла на работу. Офис телеканала встретил её гулом голосов, звоном телефонов, бегущими строками новостей на огромных экранах. Редакция международного отдела располагалась на пятом этаже, и когда Анна вошла туда, у неё перехватило дыхание. За окнами открывалась панорама Москвы. А внутри десятки людей, которые делали то, о чём она мечтала всю жизнь.

— Молчанова? — к ней подошла женщина лет сорока, строгая, с короткой стрижкой и цепким взглядом. — Я Ирина, шеф-редактор отдела. Пойдём, познакомлю с коллективом.

Коллектив оказался молодым, дружным и безумно увлечённым. Анне выделили рабочее место, показали, как работать с внутренними программами, объяснили правила.

— Через месяц поедешь в первую командировку, — сказала Ирина. — Пока внутрироссийскую. Присмотришься, поймёшь, как всё работает. А там видно будет.

— Спасибо, — выдохнула Анна. — Я не подведу.

— Знаю, — кивнула Ирина. — Я твою статью про спорткомплекс читала. И репортаж про... ну, про личное не буду спрашивать, но написано талантливо. Будет из тебя толк.

Анна сидела на новом рабочем месте, смотрела на мони-

тор, слушала гул редакции и чувствовала, что жизнь наконец-то начинается. Настоящая жизнь. Без оглядки на мужчин, которые хотят купить. Без сомнений в своих силах. Без страха. Она сделала правильный выбор.

Вечером она позвонила маме.

— Мамуль, у меня всё хорошо. Защитилась на отлично. На работу вышла. На телевидение.

— Доченька, — мамин голос дрожал от слёз. — Я так горжусь тобой. Так горжусь...

— Я знаю, мам. Я сама собой горжусь.

— Папа тоже за тебя очень рад... — осторожно начала мама, зная, что отец не одобряет выбор профессии и считает, что Анна должна заниматься его делами.

— Мам, — мягко перебила Анна. — Не надо. Это в прошлом. У меня теперь другая жизнь. Карьера. Мечты. Всё впереди.

— Ты счастлива?

Анна задумалась на секунду. Счастлива? Наверное, ещё нет. Но она на верном пути. И это главное.

— Буду, мам. Обязательно буду.

Она положила трубку, подошла к окну своей маленькой квартирки и посмотрела на ночной город. Где-то там, среди миллионов огней, был он. Но это не имело значения. Потому что её путь только начинался.

Две недели работы пролетели незаметно. С утра в офисе компании творилось чёрт знает что. Все были взбудоражены

и метались то туда, то сюда.

— Анна, зайди.

Главный редактор, седой, уставший, с вечной сигаретой в зубах, смотрел на неё поверх очков.

— Ты же языки знаешь?

— Арабский на базовом, — осторожно ответила Анна. — Учила в университете факультативно. Английский в совершенстве.

— Хватит. Собирайся. Через три дня вылетаешь в Сирию. Группа готовит репортажи из Алеппо. Нужен человек, который сможет общаться с местными. Наш постоянный корреспондент заболел. Подменишь.

Анна замерла.

— В Сирию? — переспросила она.

— Именно, там начались проблемы, поэтому туда и едут журналисты, — сухо ответил редактор. — Не хочешь, откажись. Никто не заставляет. Но карьеру сделаешь на всю жизнь. Решай.

Она решила через минуту.

— Я согласна.

Уже через два дня самолёт приземлялся на военном аэродроме. Воздух ударил в лицо. Горячий, сухой, чужой. Пахло пылью, морем и ещё чем-то неуловимым. Их встретили военные. Бронетранспортёр, автоматчики, короткие инструкции: «Из машины не выходить, без охраны не двигаться, комендантский час с восьми вечера».

— Добро пожаловать в Сирию, — улыбнулся капитан с усталыми глазами. — Здесь не скучно.

Анна села в бронированный Урал, прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как проплывает мимо ночной город. Разрушенные дома соседствовали с новостройками. Военные блокпосты стояли через каждые пятьсот метров. Люди на улицах, быстрые и напряженные, пробегали с сумками и детьми.

Война въелась в этот город. Она была в воздухе, в лицах, в том, как никто не улыбался прохожим.

Наутро их отправили в Алеппо. Дорога заняла шесть часов вместо обычных двух. Объезды, блокпосты, проверки документов. На одном из блокпостов молодой солдат лет двадцати, не больше, заглянул в машину и спросил:

— Русские?

— Русские, — ответил оператор Миша, мужик с огромными ручищами и добрыми глазами.

— Спасибо, что приехали, — вдруг спросил солдат. И в его глазах блеснули слёзы. — Расскажите про нас. Чтобы мир знал.

Алеппо встретил их тишиной. Страшной, неестественной тишиной разрушенного города. Дома стояли без окон, с зияющими дырами от снарядов. Улицы были пусты. Только военные патрули и редкие фигуры местных, которые быстро скользили вдоль стен.

— Район Квартал 1070, — представился сопровождаю-

щий, майор с позывным «Сириец». — Здесь была линия фронта. До сих пор мины находят.

Анна ступила на землю, усыпанную битым кирпичом. Под ногами хрустело. Она подняла голову и увидела дом, у которого не хватало половины стены. Внутри — диван, на котором кто-то когда-то сидел. Детская кроватка. Фотография на стене.

— Можно войти? — спросила она.

— Осторожно, — кивнул майор.

Она вошла. Внутри пахло гарью, пылью и смертью. На полу валялись детские игрушки, обгоревший мишка, машинка без колёс. На стене висело зеркало, чудом уцелевшее. Анна посмотрела в него и не узнала себя. Другое лицо. Другие глаза.

Она вышла на улицу и глубоко вздохнула. Впервые ей стало по-настоящему страшно. Впервые она поняла, что может не успеть пожить. И только она об этом подумала, как лицо Ильяса всплыло в памяти...

— Следующая точка, госпиталь, — отстраненно сказал майор, когда все загрузились в автомобиль. — Там наши врачи. И местные. Раненые каждый день.

Госпиталь располагался в подвале жилого дома. Спуск по лестнице, тяжёлая дверь, запах медикаментов и крови. Анна сжалась, перешагивая порог. Внутри было тесно. Койки стояли вплотную друг к другу. На них лежали раненые. Солдаты с перевязанными головами, гражданские с осколочными

ранениями, дети.

Маленькая девочка лет пяти сидела на койке и смотрела в одну точку. У неё не было руки. Левой, до локтя.

— Что с ней? — спросила Анна, голос сел.

— Бомбёжка, — коротко ответила медсестра, даже не оборачиваясь. — Родители погибли. Она одна осталась. Три дня молчит.

Анна подошла к девочке, присела на корточки.

— Как тебя зовут? — спросила она по-арабски, вспоминая университетские уроки.

Девочка молчала.

— Я Аня, — сказала Анна. — Я приехала издалека, чтобы рассказать про вас всему миру. Чтобы люди знали, что здесь происходит.

Девочка медленно перевела взгляд на неё. Глаза были огромные, чёрные, совершенно пустые.

— Зачем? — спросила она вдруг. — Всё равно никто не поможет.

У Анны сжалось сердце. Она протянула руку, осторожно коснулась плеча девочки.

— Нужно надеяться, что нас услышат, — сказала она.

Девочка снова отвернулась к стене.

Миша снимал. Камера работала, фиксируя каждый кадр этого ада.

Анна вышла из подвала на воздух, встала у стены и разрыдалась. Беззвучно, кусая губы, чтобы никто не слышал.

Первый раз в жизни она увидела войну вблизи. Не по телевизору, не в новостях. Вживую. В глазах ребёнка без руки. В запахе сгоревших игрушек. В пустых окнах домов.

Она хотела домой. И почему-то она сильно захотела увидеть Ильяса. Но она знала, что не уедет. Пока не сделает свою работу. Пока не расскажет миру правду.

Ночью началось. Анна проснулась от грохота, от которого заложило уши. Сначала она не поняла, что происходит. Просто тряслась земля, и где-то рядом ухало, взрывалось, выло.

— В подвал! — заорал Миша, хватая её за руку. — Быстро!

Она бежала в темноте, спотыкаясь, натыкаясь на стены. В голове билась одна мысль: «Это конец, это конец, я больше не увижу его». Подвал встретил их духотой и теснотой. Здесь уже были люди, местные, военные, врачи. Все молчали. Только слышно было, как гудит земля сверху.

Анна села на пол, обхватила колени руками и закрыла глаза. Она представляла Ильяса. Его руки. Его голос. Его глаза, когда они занимались йогой. Как же это было давно и далеко, в другой жизни.

— Я вернусь, — прошептала она в темноту. — Я обязательно вернусь.

Обстрел длился два часа. Когда всё стихло, они вышли наверх. Город дышал дымом. Горел дом через дорогу. Мимо провезли носилки с ранеными. Анна включила диктофон, достала блокнот и начала записывать. Потому что это её ра-

бота. Потому что кто-то должен рассказать. Потому что та девочка без руки должна знать, что мир не забыл про неё.

Через три дня их группа вернулась на российский аэродром, где им предоставили помещения для проживания. Анна сидела в комнате, перед ней лежали исписанные страницы. Она диктовала текст в телефон, записывала голосовые заметки, плакала и снова писала.

Её репортаж получился страшным. Она написала про девочку без руки. Про солдата, который плакал на блокпосту. Про запах сгоревших игрушек. Про мать, которая искала сына под обломками. Про врачей, которые работают сутками без сна. Она написала правду.

Через неделю самолёт приземлился в Москве. Анна сошла по трапу, худая, загорелая, с совершенно другими глазами. В них теперь была глубина, которой раньше не было. И боль. И знание.

ГЛАВА 11

Чужая среди своих

Квартира встретила Анну тишиной и запахом пыли. Две недели без хозяйки, и даже скромная съёмная двушка успела соскучиться. Анна бросила сумку у порога, скинула туфли и прошла босиком по холодному полу к окну. За окном шумела Москва, привычная, родная, такая далёкая от того, что она видела там.

Она села на подоконник, обхватила колени руками и уставилась в одну точку. В голове крутились кадры, которые не выкинешь. Разрушенный дом с детской кроваткой на краю пропасти. Обгоревший мишка. Глаза девочки без руки — пустые, страшные, взрослые не по годам.

— Господи, — прошептала Анна. — Как же там жить?

Она не заметила, как по щекам потекли слёзы. Она не плакала там, некогда было, надо было работать, держаться, быть сильной. А здесь, в тишине, в безопасности, прорвало.

Она плакала по той девочке. По солдату на блокпосту. По матери, искавшей сына под обломками. По всему миру, который оказался таким хрупким и таким жестоким. А ещё — по нему.

Запах Ильяса въелся в память так глубоко, что иногда ей казалось, что он рядом. Стоит только закрыть глаза, и вот он: терпкий, мужской, с нотками дорогого парфюма и почему-то

свежести. Она ловила себя на том, что вдыхает воздух, пытаясь поймать этот призрачный аромат. И каждый раз понимала, что его нет рядом. И не будет. Она сама выбрала этот путь.

Два дня она приходила в себя. Спала по двенадцать часов, ела, когда вспоминала, подолгу сидела у окна, глядя на город. Звонила Катя, но Анна просила перезвонить позже. По видеосвязи звонила мама, с ней говорила подольше, но тоже осторожно, чтобы не расплакаться.

— Ты как, доченька? — спрашивала мама.

— Нормально, мам.

— Ты стала такая худая... Ты ешь вообще?

— Ем, мам. Всё хорошо.

Она не рассказывала про войну. Не могла. Слова застревали в горле. На третий день зазвонил телефон. Незнакомый номер.

— Алло?

— Анечка! — раздался в трубке бодрый голос. — Здорово, племянница! Узнала?

Анна замерла, а потом улыбнулась. Впервые за долгое время.

— Дядя Витя? — переспросила она. — Вы?

— Я, я! — засмеялся дядя. — Сколько лет, сколько зим! Ты как вообще? Мама говорит, ты на телевидение устроилась, молодец!

— Устроилась, — подтвердила Анна. — Даже в команди-

ровку уже съездила.

— Ну и отлично! А я вот чего звоню. Завтра у меня событие. Открываю новый бизнес-центр. Вместе с партнёром строили, два года работы. Будет торжественный вечер, фуршет, шампанское, все дела. Я хочу, чтобы ты пришла. Как-никак моя любимая племянница, гордость семьи!

Анна замялась.

— Дядь Вить, я не знаю... Я после командировки, не в форме...

— Глупости! — отрезал он. — Какая не в форме? Ты у меня красавица. Оденешься красиво и будешь звездой вечера. Я за тобой машину пришлю. В шесть. Договорились?

Она не успела отказаться.

— Договорились, — выдохнула Анна.

Утром следующего дня Анна поняла, что ей совершенно нечего надеть.

В гардеробе были джинсы, свитера, пара офисных костюмов и ничего вечернего. А на приёме будут бизнесмены, важные гости, всё такое. Да и пора было уже обзавестись таким платьем, чтобы можно было выйти в люди.

Она поехала в торговый центр. Три часа бродила по бутикам, мерила, крутилась перед зеркалами и отчаивалась. Потом, уже в десятом по счёту магазине, увидела его.

Платье цвета глубокого изумруда висело на манекене, и Анна замерла. Длинное, в пол, с открытой спиной и тонкими бретелями. Шёлк струился, переливался, ловил свет.

— Примерите? — предложила консультант.

Анна кивнула. А когда она вышла из примерочной, продавщица ахнула. Платье сидело идеально. Оно обтекало фигуру, подчёркивало талию, делало кожу фарфоровой. Каштановые волосы Анны рассыпались по открытым плечам, и контраст с зелёным шёлком был потрясающим.

— Берите, — выдохнула консультант. — Это ваше.

Анна посмотрела на ценник и зажмурилась. Но потом вспомнила Сирию, обстрелы, и решительно достала карту. И страшно захотелось жить...

— Беру.

Дома она долго собиралась. Волосы уложила локонами. Сделала вечерний макияж, но не вульгарный. Надела украшения — сережки с изумрудами, подаренные бабушкой, на удачу. Туфли — золотые лодочки на высокой тонкой шпильке. В зеркало на неё смотрела незнакомка. Красивая, уверенная, взрослая. Женщина, прошедшая войну и вернувшаяся.

— Ты сможешь, — сказала она себе. — Это всего лишь приём. Всего лишь люди.

Ровно в шесть за ней пришёл чёрный «Мерседес» с водителем.

Бизнес-центр встретил её огнями. Огромное здание из стекла и бетона сияло тысячами лампочек. Перед входом толпились люди, подъезжали дорогие машины, женщины в мехах выходили из авто под руку с мужчинами в смокингах.

Внутри играла живая музыка. Хрустальные люстры лили

мягкий свет. Официанты сновали с подносами, уставленными бокалами с шампанским. Столы ломились от закусок. Анна вошла и на секунду растерялась.

Вокруг были чужие люди. Бизнесмены с самодовольными лицами, их спутницы — молодые красотки в откровенных нарядах, с идеальными причёсками и одинаковыми улыбками. Девушки, которые любили деньги, машины и украшения. Которые смотрели на мужчин оценивающе, прикидывая, сколько стоит костюм и какие часы на запястье.

Анна почувствовала себя чужой. Она была не отсюда. Она приехала из другого мира, где пахнет гарью и кровью, где дети страдают, а солдаты плачут. Ей захотелось посидеть под тёплым пледом с книгой, но она не хотела обидеть родного дядю. Решила быстро отметиться и уехать домой. Она взяла бокал шампанского, просто чтобы занять руки, и пошла вдоль стен, вглядываясь в лица в поисках своего дяди. И вдруг она увидела его.

Ильяс стоял у окна в компании нескольких мужчин. Строгий чёрный костюм, белая рубашка, идеальная осанка. Рядом с ним была высокая блондинка в серебристом платье, которое стоило, наверное, как месячная зарплата Анны. Блондинка держала его под руку и улыбалась так, будто только что выиграла в лотерею.

У Анны перехватило дыхание. Она смотрела на них и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Месяц назад он предлагал ей выйти замуж. Клялся, что любит. Говорил, что

она — всё. А теперь стоял с другой, красивой, ухоженной, правильной. Быстро же он утешился.

— Замена, — прошептала Анна. — Нашёл замену.

Ей стало горько до тошноты. Она хотела развернуться и уйти, но ноги не слушались.

— Анечка! — раздалось рядом. — Приехала!

Дядя Витя — высокий, седой, с лучезарной улыбкой обнял её, расцеловал в обе щёки.

— Красавица какая! Глаз не оторвать! Платье сказка! Иди, я тебя со своим партнёром познакомлю. Мы с ним этот центр два года строили. Замечательный человек, надёжный, как скала.

Анна не успела сказать «нет». Дядя уже тащил её через зал прямо к тому окну, где стоял Ильяс с блондинкой.

— Ильяс! — позвал дядя. — Знакомься, моя племянница, Анна. Гордость нашей семьи. На телевидении работает, в международном отделе.

Ильяс обернулся. Их взгляды встретились. На секунду мир перестал существовать. Исчезла музыка, исчезли люди, исчезла блондинка, вцепившаяся в его руку. Остались только они двое, и пропасть между ними.

В глазах Ильяса мелькнуло что-то... удивление? Боль? Но тут же исчезло, сменившись ледяной маской.

— Анна, — произнёс он ровно, без эмоций. — Рад познакомиться.

Она сглотнула ком в горле и заставила себя улыбнуться.

Светской, ничего не значащей улыбкой.

— Взаимно, — ответила она так же холодно. — Приятный вечер, не правда ли?

— Вполне, — кивнул он.

Блондинка рядом заёрзала, почуяв неладное.

— Ильяс, дорогой, — пропела она. — Представь меня.

— Алина, — коротко бросил Ильяс.

Алина протянула руку с идеальным маникюром. Анна пожала её сухо, официально.

— Очень приятно, — сказала Анна и тут же перевела взгляд на дядю. — Дядь Вить, тут так красиво. Вы, видимо, отлично поработали.

— Старались, — улыбнулся дядя, не замечая напряжения. — Ильяс вообще гениальный организатор. Мы с ним как сиамские близнецы уже два года. И в бизнесе, и по жизни.

— Правда? — Анна подняла бровь, глядя на Ильяса. — А я и не знала, что у дяди такой... интересный партнёр.

— Мало ли чего мы не знаем друг о друге, — ответил Ильяс с намёком, от которого у Анны побежали мурашки.

— Ты что-то изменилась, — вдруг сказал дядя, вглядываясь в её лицо. — В тебе появилось что-то другое, взрослое.

— Жизнь, — коротко ответила Анна. — Она имеет свойство менять людей.

— Вижу, — кивнул Ильяс. И в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

Дядя Витя, не чувствуя подвоха, радостно продолжил:

— А ты знаешь, Ильяс, моя племянница — героиня! Только что из Сирии вернулась. В командировке была, репортажи снимала. Прямо с войны, представляешь?

Ильяс вздрогнул. Маска на секунду сползла, обнажая настоящие чувства — ужас, боль, страх.

— Откуда? — переспросил он, и голос его сел. — Из Сирии?

— Ага, — подтвердил дядя. — Я сам, когда узнал, обалдел. Моя маленькая Анечка, и вдруг в горячей точке. Но она у меня боевая, вся в нашу породу.

— Ты была на войне? — тихо спросил Ильяс, глядя только на Анну, забыв про блондинку.

— Была, — спокойно ответила Анна. — Работа такая.

— Там же... — начал он.

— Знаю. Война, — перебила она. — Я была под обстрелом. Много часов провели в подвалах.

Блондинка рядом ахнула и зажала рот рукой. Ильяс побелел.

— Ты могла погибнуть, — выдохнул он.

— Могла, — согласилась Анна. — Но не погибла. Вернулась. И продолжаю работать. Вот, скоро отправляюсь.

— Анечка! — раздался сзади новый голос. — Дочка!

Она обернулась. К ней спешили родители. Мама в красивом синем платье и отец, хмурый, в строгом костюме.

— Мама! — Анна обняла её, чувствуя, как внутри оттаивает что-то тёплое.

— Доченька, — шептала мама. — Я так скучала. Так переживала. Ты худая такая...

— Всё хорошо, мам. Я здесь.

Отец стоял рядом, молчал, сжимал челюсть. Анна посмотрела на него.

— Здравствуй, пап.

— Здравствуй, — ответил он сухо. А потом, не сдержавшись, выпалил: — Ты что творишь? На войну поехала! Совсем головы нет? Тебя же убить могли!

— Пап, не здесь, — тихо попросила Анна, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— А где? — взорвался отец. — Где мне тебе сказать? Ты же бегаешь от меня. А должна бизнесом заниматься, дело семейное продолжать, а ты по войнам шастаешь! В телевизоре своём! Это не профессия, это дурь!

— Это моя профессия, — твёрдо ответила Анна, выпрямляясь. — Моя жизнь. Мой выбор.

— Выбор? — отец усмехнулся. — Ты выбираешь между нормальной жизнью и смертью под бомбами? Ты вообще соображаешь?

— Я соображаю, — голос Анны звенел. — А ты не соображаешь, что я не хочу твой бизнес. Никогда не хотела. Я хочу жить самостоятельно.

— Самостоятельно... — передразнил отец. — А ты о себе подумала? О нас? Мы же чуть с ума не сошли, когда узнали!

— Я о вас думала, — тихо сказала Анна. — Каждую се-

кунду под обстрелом. И всё равно сделала бы это снова.

Отец смотрел на неё, и в его глазах смешались гнев, гордость и отчаяние.

— Ты... — начал он.

— Я пойду, — перебила Анна. — Мне здесь не место.

Она развернулась и пошла к выходу. Мимо нарядных гостей, мимо бизнесменов с красотками, мимо столов с шампанским. Шла, высоко подняв голову, чувствуя спиной десятки взглядов.

Мама всхлипнула. Дядя Витя растерянно замер. Отец сжимал кулаки. И только Ильяс смотрел ей вслед, и в его глазах было столько боли, сколько не видел никто.

— Сильная женщина, — тихо сказала блондинка.

Ильяс не двинулся с места. Только сжал бокал так, что тот треснул. Потому что хотелось остановить ее, но он вновь видел ее спину, такую прекрасную и манящую в этом платье.

Анна вышла на улицу, вдохнула холодный воздух и почувствовала, как по щекам текут слёзы. Горькие, обидные, но такие правильные. Она выбрала себя. Снова. И пусть это больно, она справится.

ГЛАВА 12

Изумрудная боль

Ильяс стоял у окна и смотрел на дверь, за которой только что исчезла Анна. Вокруг шумел фуршет, звенели бокалы, кто-то произносил тосты, но для него все звуки стерлись, превратились в один сплошной ватный гул. В руке он все еще сжимал треснувший бокал, и осколки стекла впивались в ладонь, но боли он не чувствовал. Там, внутри, под ребрами, было во много раз больнее.

— Ильяс! — Алина дернула его за рукав. — Ты чего? У тебя рука кровью идет! Брось бокал сейчас же!

Он посмотрел на нее как на пустое место. Красивая, ухоженная, с идеальным макияжем и такой же идеальной, пустой улыбкой. Что он вообще в ней нашел? Зачем пригласил? Ах да, чтобы не быть одному. Чтобы заглушить эту вечную тоску по той, единственной, которая только что ушла, даже не оглянувшись.

— Отстань, — бросил он коротко и разжал пальцы. Осколки со звоном упали на паркет.

— Но Ильяс... — начала Алина.

— Я сказал, отстань.

Он отошел от окна, лавируя между гостями, и направился к бару. Нужно было выпить. Срочно. Много. Чтобы хоть на минуту забыть это изумрудное платье, эти глаза, в которых

бушевала взрослая жизнь девчонки, и эту манящую проклятую спину, которую он видел уже в третий раз.

— Двойной виски, — бросил он бармену. — Чистый.

— Ильяс, подожди! — дядя Витя догнал его у стойки. — Ты чего? Что случилось? Мне показалось, ты знаком с Аней!

Ильяс залпом осушил стакан, жестом попросил еще.

— Витя, не сейчас.

— Нет, сейчас! — Виктор был настойчив, потому что дело касалось его любимой и единственной племянницы. — Я же вижу, как ты на нее смотрел. Вы знакомы? Откуда?

Ильяс повернулся к нему. В глазах плескалось такое отчаяние, что Виктор невольно отступил на шаг.

— Да! Я знаю твою племянницу, — сказал Ильяс глухо. — Уже два месяца жилы из меня вытягивает и ненавидит меня. Хотя имеет полное право. Я сам идиот.

Дядя Витя открыл рот, закрыл, снова открыл. Видимо, такой информации его мозг переварить не мог. Его Анечка всегда была умной и милой девочкой, и никогда никто не мог сказать, что она способна так мучать человека.

— Подожди... — наконец выдавил он. — Ты... и Аня? Но как? Где вы познакомились?

— На йоге, — горько усмехнулся Ильяс. — Она интервью у меня брала. А потом... В общем, длинная история. И закончилась она плохо. Я облажался. Впервые облажался с бабой.

— Вижу, что плохо, — кивнул дядя Витя, глядя на его трясущиеся руки. — Слушай, парень, ты бы присел что ли.

И руку надо перевязать. Вон как кровит.

Ильяс посмотрел на свою ладонь, усеянную мелкими порезами, и удивился. Кровь была. Красная, настоящая. А он не чувствовал ее. Совсем.

— Ерунда, — махнул он здоровой рукой. — Не в первый раз.

Достал платок и стер следы крови, так же легко, как хотел бы стереть из своей головы эту женщину. Но не выходило, как бы он не старался.

— Ладно, — вздохнул дядя Витя. — Пойдем хоть к родителям Ани подойдем. Они там одни стоят, переживают. Ты же с ними не знаком? Моя сестра всю жизнь замужем за Молчановым, тот, чьи автоцентр и три торговых комплекса. Хороший мужик, но суровый. Прет напролом, если затронут его интерес. Будь с ним осторожнее. Ложь чует за версту.

Ильяс замер. Родители Анны. Те самые, из-за которых она так расстроилась. Те, кто хотели для нее другой жизни, как и он. Может быть, сейчас самое время? Может, они поймут и помогут? Врать в любом случае не стоило. Проще было тогда вообще в это не вписываться. А надо! Больше никто не сможет помочь.

— Пойдем, — решился Ильяс на последний шанс удачи с этой непокорной женщиной.

Они подошли к небольшой группе людей у дальнего окна. Сергей Молчанов стоял, скрестив руки на груди, и смотрел куда-то в пространство панорамного окна с каменным ли-

цом. Жена стояла рядом и промокала глаза платочком, что-то при этом говоря. Увидев приближающихся мужчин, она попыталась взять себя в руки.

— Дорогие мои, — начал дядя Витя. — Познакомьтесь, это мой деловой партнер, Ильяс Юсупов. Тот самый, с кем мы строили этот бизнес-центр.

Сергей перевел тяжелый взгляд на Ильяса, оценивающе, по-деловому, цепко. Таких взглядов Ильяс не боялся. За годы бизнеса насмотрелся на сильных и грозных стариков.

— Молчанов, — коротко представился Сергей, протягивая руку.

— Юсупов, — Ильяс пожал ее, стараясь не морщиться от боли в порезанной ладони.

— А вы чего такой бледный? — прищурился Сергей. — Случилось что?

— Случилось, — не стал врать Ильяс. — Ваша дочь только что ушла. И я не знаю, как ее вернуть.

Мама Анны ахнула и прижала руку к груди. Отец нахмурился еще сильнее и более пристально вгляделся в Ильяса.

— А вы, собственно, кто такой, чтобы ее возвращать?

— Я тот, кто предложил ей стать моей женой, — твердо ответил Ильяс. И от этой простоты, от этой обнаженной правды в его голосе, даже отец Анны слегка опешил.

— Женой, значит, — медленно и задумчиво протянул он. — А она на это что ответила?

— А она меня послала.

Мама тихо всхлипнула и опустила руки в немом жесте, сдаваясь силе характера своей дочери. Отец же довольно хмыкнул.

— Ну, это на Аньку похоже. Она у нас упрямая, вся в меня. Если что решила, то хоть тресни. Сделает по-своему. Мы с ней на этой почве часто воюем. Сейчас у нас хрупкое перемирие с ней.

— Я знаю, — кивнул Ильяс. — Именно это меня в ней и бесит... и не отпускает.

— И давно вы знакомы? — тихо спросила мама Анны.

— Два месяца. Она брала у меня интервью. А потом... потом я все испортил.

— Чем же? — отец Анны смотрел внимательно, не пропуская ни одной детали.

— Деньгами, — признался Ильяс с такой горечью, что мама снова всхлипнула. — Предложил ей с дуру содержание. Я привык все покупать. И женщин тоже. Думал, она такая же. А она... она послала меня. И правильно сделала.

Сергей молчал. Смотрел на Ильяса долгим, тяжелым взглядом. А потом вдруг усмехнулся.

— Дурак ты, парень, — сказал он без злости, даже с какой-то странной теплотой. — Мою дочь купить нельзя. Я ей предлагал бизнес, деньги, квартиру. Не берет. Гордая. Всего сама сказала добьется.

— Знаю, — кивнул Ильяс. — Уже понял.

— А чего хочешь сейчас? — прямо спросил отец Анны.

— Чего от нас надо?

— Ничего, — Ильяс покачал головой. — Просто... скажите, где она живет. Я поеду к ней. Попробую еще раз. В последний.

— А не боишься, что опять пошлет? — усмехнулся Сергей.

— Боюсь. Но не попробовать, боюсь больше.

Мама Анны смотрела на него с каким-то новым выражением. В ее глазах загорелась надежда и понимание.

— Она живет на набережной, — быстро заговорила она, пока отец Анны не передумал и молчал, ничего не запрещая. — «Лазурный квартал», дом двадцать пять, квартира тридцать семь. Только вы это... вы не говорите, что это мы сказали. А то она обидится.

— Не скажу, — пообещал Ильяс. — Спасибо вам.

Он развернулся и почти побежал к выходу. Алина попыталась увязаться за ним, но он остановил ее одним взглядом. Тяжелым, холодным, не терпящим возражений.

— Алина, вечер окончен. Водитель отвезет тебя домой.

— Но... — начала она.

— Я сказал, вечер окончен.

В холле он вызвал такси. Сам сесть за руль не рискнул, руки тряслись слишком сильно, да и выпил. Назвал адрес и откинулся на сиденье, глядя в окно на проплывающие огни Москвы.

В голове крутилось одно: она была в Сирии. Под обстре-

лами. В подвалах. Могла погибнуть. А он, идиот, в это время трахал проституток и пытался ее забыть. Господи, какой же он дурак.

— Долго ехать? — спросил он водителя.

— Минут тридцать, если без пробок.

Тридцать минут. Целая вечность. Или всего миг, отделяющий его от того, чтобы попытаться все исправить. Он достал телефон, набрал ее номер. «Абонент временно недоступен». Сброс. Еще раз. Снова недоступен. Занесла в черный список? Или просто выключила? Ильяс сжал телефон так, что экран пошел трещинами.

— Черт!

— Что, брат, дела сердечные? — понимающе усмехнулся водитель, пожилой мужчина с усталыми глазами.

— Похоже на то, — буркнул Ильяс.

— Не переживай. Если любит, дождешься. Если нет, и не надо.

— Тут еще надо разобраться, кто кого, — уверенно сказал Ильяс, и сам удивился этой уверенности. — Я чувствую, что любит. Просто боится.

— Ну, значит, все наладится, — философски заметил водитель. — Главное, не сдавайся. Женщина, как крепость. Ее осадой брать надо.

Ильяс усмехнулся. Не сдаваться? Да он уже два месяца только и делает, что не сдается. А она все уходит. Но сегодня – последний бой. Сегодня он скажет ей все. До конца. Без

дураков.

– Она непростая женщина, – искренне, но с горькой усмешкой ответил Ильяс. – Это не крепость. Это неприступный бастион.

– Все равно падет, если любит, – уверенно произнес таксист.

– Ты женат? – спросил Ильяс.

– Сорок лет, – с нескрываемой гордостью ответил мужчина.

– И долго брал осадой?

– Почти год. Но тогда и женщины были другие. Молодежь сейчас попроще, как и жизнь, – резюмировал таксист.

– Год! – задумчиво сказал Ильяс. – Молодежь не всегда проще. Она только что вернулась с войны, нюхала порох, была под обстрелом, видела смерть. Как думаешь, сколько она будет держать осаду?

– Такие женщины – это другие женщины. Они видели то, чего видеть не должны. Это тебе не домашняя роза, а полевая сильная ромашка, которая умеет выживать и лечить. Здесь у каждой все будет по-своему. Здесь не осада нужна. Тут на колени придется вставать перед ней, чтобы поверила. Душу обнажать придется, не выпендриваясь. Знаешь, как наши деды в войну любили? Мы такого не умеем. Они знали, что могут погибнуть, и любили как последний раз. Каждому хотелось успеть пожить и получить свою крупицу счастья, – задумчиво говорил старик таксист, а Ильяс верил ему.

Потому что сегодня видел эти изменившиеся глаза, которые раньше были другими, девичьими, и не такими мудрыми.

Машина остановилась у высотного дома на набережной. Ильяс расплатился, вышел, поднял голову.

– Удачи тебе. Пусть она поймет, что ты тоже не промах, – коротко сказал старик и поехал.

Огромное здание светилось сотнями окон. Где-то там, за одним из них, была она. Его Анна. Его Пигалица. Его самая желанная из женщин.

В подъезде он набрал код домофона, который дала мама Анны — 377. Тишина. Набрал еще раз. Снова тишина. И тут дверь внезапно открылась. Мужчина с женщиной, смеясь, выходили на улицу, и Ильяс прошмыгнул в подъезд.

ГЛАВА 13

Предел отчаяния

Анна не помнила, как добралась до дома. Эмоции бурлили в ней. Любовь к своим родителям боролась с непониманием. Почему отец не хотел ее понять? Почему сам жил по своей мерке, но ее решения не принимал?

Приём, отец, скандал, его глаза — всё смешалось в один тягучий, вязкий кошмар, который облепил её, как паутина, и не отпускал. Она сдирала с себя изумрудное платье так, будто оно горело, будто этот проклятый шёлк въелся в кожу вместе с его взглядом, холодным и осуждающим. Бросила на стул бесформенным комком, зашла в ванную и встала под душ.

Горячая вода обжигала спину, стекала по лицу, смешиваясь со слезами, которые она больше не сдерживала. Она стояла долго, пока пар не заполнил всю кабинку, пока кожа не покраснела, пока вода не смыла хотя бы часть этой липкой, въевшейся под кожу усталости.

Война. Встреча. Предательство. Всё в одном коротком промежутке жизни. Слишком много для одной маленькой девочки, которая просто хотела быть счастливой.

Она вышла, закуталась в халат, добрела до кровати и рухнула, даже не вытирая мокрые волосы. Уставилась в потолок невидящим взглядом и провалилась в тяжёлый, беспо-

койный сон без сновидений. Чёрная пустота, в которой не было ничего. Даже боли.

Громкий стук ворвался в сон, как взрыв. Анна подскочила с дико колотящимся сердцем, бьющимся где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Секунду она не понимала, где находится. Комната плавала в темноте. Часы на тумбочке светились одиннадцатью.

Стук повторился. Громкий, настойчивый, требовательный. Так стучат только те, кто не привык получать отказы. Те, кто пришёл за своим.

— Кто? — хрипло выдохнула она, подходя к двери на ватных ногах.

— Анна, открой. Это я.

Этот голос она узнала бы из тысячи. Низкий, хрипловатый, с металлическими нотками, от которых по спине всегда бежали мурашки. Он врезался в неё, разрывая тишину коридора.

Она замерла, прижавшись лбом к холодной двери. Сердце билось так, что, казалось, он слышит его через дверь.

— Уходи, — выдохнула она в дверной косяк. — Не надо.

— Не уйду, — ответил он твёрдо. Каждое слово было как удар молота. — Буду стоять здесь всю ночь. И завтра. И послезавтра. Пока не откроешь.

— Ильяс...

— Анна, пожалуйста. Я знаю, что ты устала. Я знаю, что ты злишься. Имеешь полное право. Но дай мне одну мину-

ту. Всего одну. Если после неё ты скажешь уйти, то я уйду. Навсегда.

Тишина повисла в воздухе, густая, тягучая, как мёд. Анна закрыла глаза и увидела его лицо. Увидела, как он смотрел на неё там, на приёме, когда она уходила. В этом взгляде было столько боли, что хватило бы на десятерых.

— Соберись, — услышала она его приглушённый голос за дверью. — Ты мужик. Ты можешь всё.

Она почти физически ощутила его страх. Этот железный человек, который никогда ничего не боялся, сейчас дрожал там, за дверью, как мальчишка. Боялся потерять её. Навсегда.

Рука сама потянулась к замку. Щелчок. Дверь медленно открылась.

Он стоял на пороге. Весь бледный, с тёмными кругами под глазами, с перевязанной кое-как ладонью, сквозь бинты проступила кровь. Его костюм был помят, рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу, галстук болтался криво. Таким она его никогда не видела. Таким — разбитым, настоящим, своим.

— Можно? — спросил он тихо. Его голос сел, сорвался на хрип.

Она отступила в сторону, пропуская. Он вошёл в маленькую прихожую и замер, оглядываясь. Квартира была крошечной, но в ней было тепло. На стенах висели фотографии родных, на полках стояли книги по журналистике, на подоконнике была её чашка с остывшим чаем. Это был её мир.

Её крепость. Её настоящая жизнь.

— Говори, — Анна скрестила руки на груди, пытаясь защититься от него, от себя, от всего, что сейчас могло случиться. — Дай минуту.

Он повернулся к ней. Посмотрел в глаза. Глубоко, пронзительно, до самого дна. И в этом взгляде было столько всего, что у неё подкосились колени.

— Прости, — выдохнул он. И это слово прозвучало не как дежурная фраза. Оно прозвучало как молитва. — Я был не прав. Ты нужна мне. Как воздух. Как вода. Как жизнь.

Она молчала. Губы дрожали, но она молчала, вцепившись в себя, чтобы не разорваться.

— Я знаю, что я идиот, — его голос срывался, он говорил быстро, будто боялся, что она прервёт, не дослушает. — Знаю, что всё испортил. Деньгами, проституткой, своим дурацким поведением. Я не умею по-другому. Меня никто не учил любить. Меня учили покупать. А ты не покупаешься. Ты — настоящая. И я чуть не потерял тебя из-за собственной тупости.

— Ильяс... — выдохнула она, и в этом выдохе было всё: боль, недоверие, надежда.

— Подожди, не перебивай, — он шагнул ближе, но не коснулся, боялся спугнуть. — Я сегодня с твоими родителями говорил. С отцом. Он сказал, что я дурак. И он прав. Но ещё он сказал, что ты упрямая и просто так не сдаёшься. Значит, и я не сдамся. Буду добиваться тебя, сколько надо. Год. Два.

Десять лет. Всю жизнь.

— Ты с папой говорил? — глаза Анны расширились от удивления.

— Да. И познакомился с твоей мамой.

Она всхлипнула, отвернулась к окну, чтобы он не видел её слёз.

— Они всегда лезут не в своё дело...

— Это их дело, — мягко возразил он, делая ещё один шаг. Осторожный, как к раненой птице. — Ты их дочь. Они тебя любят.

Он встал сзади, положил руки на плечи. Она вздрогнула, но не отстранилась. Его ладони были горячими даже сквозь ткань халата.

— Я знаю, что ты боишься, — прошептал он в её макушку, и его дыхание обожгло кожу. — Я тоже боюсь. Боюсь, что не справлюсь. Боюсь, что снова сделаю больно. Но без тебя — ещё страшнее. Там, в этом зале, когда ты ушла, я понял: без тебя мне ничего не надо.

Она медленно повернулась к нему. В глазах стояли слёзы, но сквозь них уже пробивался свет. Тот самый, от которого у него всегда сжималось сердце.

— Куда ты дел свою глянцевую подружку? — спросила она с вызовом, но голос предательски дрогнул.

— Алина — дочь моего знакомого, — ответил он, не отводя взгляда. — Отец сватает её мне. Я пригласил её один раз, чтобы все отстали. Там половина мужиков были с таки-

ми женщинами на вечер. Пустыми глянцевыми куклами.

Он не договорил. Его руки вдруг сжали её лицо с такой силой, будто он боялся, что она растворится, испарится, исчезнет. И он поцеловал. Жёстко, требовательно, не спрашивая разрешения. Так целуют в последний раз. Так целуют, когда хотят выпить до дна, вобрать в себя каждую клеточку, каждую молекулу воздуха, которой она дышит.

Анна задохнулась. Этот поцелуй не был нежным. В нём не было прелюдий и предисловий. В нём было всё: дни разлуки, его безумная попытка забыть её в чужой постели, её война, её тоска, её решение уйти. В нём была боль, была ярость, было отчаяние двух людей, которые разорвали друг друга в клочья, но так и не смогли отпустить.

В голове Анны билась мысль: «Оттолкни. Вспомни блондинку. Вспомни его холодный взгляд. Вспомни свои слова». Но война стояла между ними. Те часы в подвалах, когда земля ходила ходуном и она думала, что умрёт, так и не увидев его больше никогда. Всё это смело любые преграды, любые обиды, любые правильные слова.

Она не оттолкнула. Она вцепилась в него мёртвой хваткой, как утопающий в последнюю надежду, в последний глоток воздуха.

— Ильяс... — выдохнула она в его губы, и это имя прозвучало как молитва. – Потом всё станет сложнее.

— Замолчи, — хрипло приказал он. — Просто замолчи.

Он целовал её лицо, шею, плечи, срывая с неё домашний

халат, будто он мешал ему дышать, будто этот кусок ткани был последней преградой между жизнью и смертью. Его руки дрожали, как у самой Анны. Крупно, неконтролируемо, отчаянно. Впервые она чувствовала эту дрожь всем телом, и от неё по коже бежали мурашки.

— Я с ума сошёл, — шептал он между поцелуями, и его губы обжигали кожу. — Когда узнал про Сирию... я чуть не умер на месте. Ты... такая хрупкая... там... под пулями... сумасшедшая... упрямая... моя...

— Ильяс... — выдохнула Анна, а её голос судорожно дрожал, как и всё тело, потому что её била крупная дрожь — то ли от холода, то ли от желания, то ли от всего сразу.

— Молчи, — шепнул он, останавливая её губы новым поцелуем. — Просто молчи.

Он замер на мгновение, посмотрел в её глаза так, будто хотел заглянуть в самую душу, прочитать всё, что там написано, запомнить навсегда.

— Больше никогда, — выдохнул он одними губами. — Слышишь? Никогда. Не поворачивайся ко мне спиной.

Он подхватил её на руки, легко, будто она ничего не весила, и понёс в спальню. Не спрашивая, не объясняя. Просто делая то, что было единственно правильным в этот момент. То, что требовало тело. То, что кричала душа.

Они упали на кровать, медленно и дико сбрасывая по дороге одежду, сплетаясь в единое целое. Анна чувствовала его кожу. Горячую, влажную, пахнущую тем самым запахом, ко-

торый преследовал её всё это время. Запахом мужчины. Запахом жизни.

Их движения были отчаянными. Никакой нежности, никакой плавности, только дикая, первобытная жажда друг друга. Он сжимал её так, будто боялся, что она исчезнет или превратится в утренний туман. Она впилась ногтями в его спину, оставляя следы, царапины, метки, чтобы помнил. Чтобы не смел забывать.

В темноте не было слов. Только дыхание и запах пота двигающихся в бешенном ритме тел. Дыхание у обоих было хриплое, прерывистое, срывающееся на стоны. Только звуки тел, сплетённых в диком танце такой необходимой обоим близости. Он что-то шептал, но она не разбирала слов, только чувствовала вибрацию его голоса на своей коже, и от этого мурашки бежали табунами.

— Ты моя, — выдохнул он с силой входя в неё, и эти два слова прозвучали как клятва, как приговор, как благословение.

Она не отвечала. Она просто отдавалась этому безумию, растворялась в нём, теряла себя и находила заново. Потому что после всего, что она увидела на войне, после смерти, которая дышала ей в затылок, так хотелось жить. Жить по-настоящему. Чувствовать себя нужной. Живой. Любимой.

Когда мир взорвался миллионом искр, Анна закричала, уткнувшись лицом в его плечо, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Слёзы боли и облегчения. Слёзы отчаяния и счастья.

Он рухнул рядом, тяжело дыша, и прижал её к себе так сильно, что, казалось, хотел сделать частью себя, вплавить в свои рёбра, спрятать под сердцем.

— Никогда больше, — прошептал он в темноту, и в этом шёпоте была сталь. — Никогда не уходи. Слышишь? Не поворачивайся ко мне спиной. Я этого не вынесу.

Потом были другие слова. Они лежали в темноте, переплетённые, мокрые от пота и слёз, и он говорил. Говорил то, что не мог сказать раньше. То, что душило его все эти месяцы.

— Я думал, что схожу с ума, когда ты ушла, — его рука гладила её бедро, и от этого чистого чувства кайфа он получал немыслимое удовольствие. Еще никогда в жизни он так не ценил эту возможность. — В зале грушу бил до крови. Костяшки содрал. Думал, если выбью из себя эту дурь, то отпустит. Не отпустило.

— А проститутки? Что не помогли? — тихо спросила Анна, а в голосе её не было осуждения, только тихая провокация.

— Не хочу даже думать об этом, — честно ответил он. — Думал, что смогу, должен. Что любая баба сойдёт. А нет! Но это очень сложно принять, что я зависим от женщины. Что не могу дышать без тебя.

— А блондинка?

— Алина? — он усмехнулся горько. — Дочь знакомого. Мой отец уже полгода сватает, бизнесом объединиться хо-

чет. Я пригласил её один раз, чисто для галочки, чтобы все отстали. Думал, постоит рядом, улыбнётся, и я свободен. А когда ты вошла... я про всё забыл.

Он повернулся к ней, провёл пальцем по её щеке, с трепетом и осторожностью, чтобы ничего не сломать в этом моменте.

— Когда я услышал, что ты была в Сирии... — его голос дрогнул, сорвался. — У меня сердце остановилось. На секунду. Я представил, что мог тебя потерять. Навсегда. Что ты там, под пулями, а я здесь, с этой куклой... Чуть с ума не сошёл.

— Ильяс, — прошептала Анна. — То уходишь, то приходишь. То холодный, как лёд, то на руках носишь. Я не могу так. Я не железная.

— Ради тебя я готов меняться, — твёрдо сказал он. И в этом «готов» было больше силы, чем во всех его бизнес-контрактах и миллионах. — Жизнью клянусь. Ты моя. И я тебя больше не отпущу.

Она посмотрела на него в темноте и поверила. Потому что в его глазах была та самая боль, которую она видела у себя в зеркале все эти недели. Та же пустота. Та же тоска. Та же бесконечная нежность.

— Я тоже думала о тебе, — призналась Анна, утыкаясь носом в его плечо. — Там, в Алеппо. Когда дом рухнул рядом. Я думала, что умру и не успею сказать... не успею увидеть... и сказать.

— Не говори, — перебил он, прижимая её к себе так сильно, что стало трудно дышать. — Ничего не говори. Просто будь со мной. Просто дыши.

Она прижалась к нему, слушая, как бьётся его сердце. Ровно, сильно, надёжно. Этот звук был лучше любой музыки. Он был жизнью.

— Я так устала, — прошептала она в его кожу. — Так устала быть сильной. Так устала от войны, от боли, от одиночества... Хочу точку опоры.

— Теперь я буду сильным за нас двоих, — ответил Ильяс, целуя её в макушку. — Отдыхай. Я здесь. И никуда не уйду.

Впервые за долгое время Анна закрыла глаза и уснула спокойно. Чувствуя его дыхание у своей головы. Чувствуя его руки на своей талии. Чувствуя его сердце, бьющееся в унисон с её собственным.

Она спала без снов. Впервые за многие недели. Потому что всё, что могло присниться, было здесь, рядом, тёплое, живое, родное.

Утром она проснётся, и они будут говорить. Обо всём. О будущем, о войне, о её отце, о его бизнесе, о том, как жить дальше. Утром будут вопросы, ответы, планы и решения. Но это будет утром.

А пока была ночь. Ночь возвращения покоя. Ночь, когда двое потерянных людей нашли друг друга снова. Ночь, когда два разбитых сердца начинали биться в унисон. И сейчас это было важнее всего на свете.

ГЛАВА 14

Новый день, старые проблемы

Анна проснулась от странного, забытого ощущения покоя. Она не сразу поняла, что это, а когда поняла, то замерла, боясь пошевелиться и спугнуть это хрупкое чувство. Рядом с ней, обнимая её во сне, лежал Ильяс. Его лицо во сне было расслабленным, без обычной жёсткой маски.

Она осторожно повернулась, чтобы лучше рассмотреть его. Свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисуя на его лице золотистые полосы. Густые тёмные ресницы отбрасывали тени на щёки, дыхание было ровным и глубоким. Анна залюбовалась им. Таким он нравился ей даже больше. Без защиты, без привычной брони. Просто мужчина. Её мужчина.

— Если ты будешь так на меня смотреть, я никогда не проснусь, — вдруг хрипловато прошептал Ильяс, не открывая глаз. — Останусь здесь навсегда.

— Подслушивать нехорошо, — улыбнулась Анна, но отводить взгляд не стала.

Он открыл глаза. В них плескалась такая нежность, что у неё перехватило дыхание. Он протянул руку и убрал прядь волос с её лица, заправил за ухо. Это движение было таким интимным, таким бережным, что к горлу снова подступил комок.

— Ты плачешь? — нахмурился он, заметив блеск в её глазах.

— Нет, — она покачала головой и улыбнулась сквозь лёгкие слёзы счастья. — Это просто... я не привыкла. К такому утру. К такому счастью. Кажется, если пошевелюсь, оно исчезнет.

— Не исчезнет, — твёрдо сказал Ильяс и притянул её к себе. — Я здесь. И я никуда не уйду.

Он поцеловал её. Не так, как прошлой ночью, отчаянно и жадно. Теперь его поцелуи были медленными, тягучими. Он целовал её глаза, щёки, кончик носа, уголки губ, и от каждого прикосновения по телу разбегались тёплые волны.

— Доброе утро, моя женщина, — прошептал он ей в губы.

— Доброе утро, — выдохнула она в ответ.

Они лежали в тишине, нарушаемой только редкими звуками просыпающегося за окном города. За плотными шторами уже угадывалось утро, но здесь, в этой маленькой спальне, время остановилось. Ильяс лежал на боку, приподнявшись на локте, и смотрел на неё. Просто смотрел, долго, пристально, будто пытался запомнить каждую чёрточку, каждую линию, каждый изгиб.

Его рука медленно скользнула под одеяло, накрыла её бедро. Он замер, ощутив под ладонью тепло её тела. Ладонь сама, без спроса, начала движение, вверх, к талии, потом вниз, поглаживая плавную линию. Медленно. Тягуче. Смакуя каждое мгновение.

Ильяс смотрел на её бедро, на этот совершенный, божественный изгиб, на молочную кожу груди и шеи, где красовались розовые следы от его вчерашней страсти, и поймал себя на мысли, что за всю свою жизнь не видел ничего прекраснее. Никакие пейзажи, никакие картины, никакие виды из окон самых дорогих отелей мира не шли в сравнение с тем, что сейчас она лежала перед ним. Просто его прекрасная женщина. Его Анна. И от этой простоты захлёстывало такой волной нежности, что становилось трудно дышать.

— Ты даже не представляешь, — хрипло прошептал он, — как я счастлив.

Она повернула голову, посмотрела на него затуманенным от желания взглядом и улыбнулась, той самой улыбкой, от которой у него сжалось сердце.

— Отпустило? — тихо спросила она, касаясь пальцами его щетины.

— Не отпустило, — он поймал её руку, прижался губами к ладони, поднося ее к своей щеке. — Наполнило. Раньше я не знал, что это такое, просто лежать и смотреть на женщину. Просто чувствовать её рядом. Просто дышать с ней одним воздухом.

Он склонился и поцеловал её плечо. Медленно, с той особой мужской нежностью, которая не требует продолжения, потому что само продолжение уже здесь, в этом поцелуе. Губы коснулись ключицы, задержались на ямочке у шеи, где бился пульс – живой, горячий, её.

— Я тебя хочу постоянно, — шептал он, целуя её плечо, потом выше, к уху, заставляя её выгибаться от щекотного прикосновения. — Утренний секс говорят полезен...

Его рука снова легла на бедро, сжала чуть крепче, собственнически. Он провёл ладонью по гладкой коже, наслаждаясь этим ощущением. Она ответила теплом, мягкостью, абсолютной податливостью. И одновременно с этим Ильяс ощутил ее руки на своей груди. Ее маленькие пальчики водили по выступающим от напряжения в теле венам и мышцам. Его женщина. Нежная и сильная. Ранимая и непокорная. Его.

— Знаешь, что я понял сегодня ночью? — спросил он, встречаясь с ней взглядом.

— Что? — с дрожью выдохнула она.

— Что все эти годы я не жил. Двигался по инерции. А проснулся по-настоящему только сегодня утром.

Она ничего не ответила. Только придвинулась ближе, уткнулась носом в его шею, вдохнула глубоко, жадно, будто тоже пыталась запомнить его запах, впитать его в себя на случай новой разлуки. Этот терпкий, мужской, такой родной аромат. Она хотела, чтобы он въелся в неё, остался на коже, пропитал каждый миллиметр её существа.

Ильяс обнял, прижал к себе, чувствуя, как её ресницы щекочут кожу, как её дыхание согревает его шею. Сейчас в нём не было той жёсткости, с которой он входил в переговорные или подписывал контракты. Не было той ледяной маски,

за которой прятался от всего мира долгие годы. Был только мужчина, держащий в руках своё счастье.

Он вошёл в неё медленно. Так медленно, что мир будто остановился. Она была готова. Такая мокрая, такая горячая, такая его. Ильяс замер на мгновение, давая им обоим прочувствовать этот момент до последней клеточки. Её внутренние мышцы сжались вокруг него, и он чуть не задохнулся от ощущения полноты бытия.

— Тише, — прошептал он, хотя это скорее себе, чем ей. — Не торопись...

Он двигался неторопливо, почти лениво, растягивая удовольствие, как самую дорогую в мире конфету, которую хочется смаковать вечность. Каждое движение было медленное, глубокое, пронзительное, выверенное. Каждый миллиметр её тела под ним становился открытием, которое он делал заново.

Она выгнулась, запрокинула голову, и с её губ сорвался тот самый звук — тихий, протяжный, сногсшибательный в своей искренности. Стон, в котором смешались мольба и наслаждение, просьба и приказ. Он ловил каждый её вздох, каждую дрожь, каждую судорогу удовольствия, пробегающую по её телу.

— Ильяс... — выдохнула она, не открывая глаз. Голос её дрожал, срывался.

— М-м? — отозвался он, продолжая этот медленный, тягучий танец.

— Ещё... быстрее... — она вцепилась в его плечи, царапнула ногтями кожу.

Он улыбнулся. Впервые за долгое время своей жизни улыбнулся по-настоящему. Не дежурной, светской улыбкой для партнёров и конкурентов, а настоящей, той, что рождается где-то глубоко внутри и освещает лицо мягким, тёплым светом.

— Не торопи меня, родная, — прошептал он, целуя её в висок. Медленно. В закрытый глаз. В кончик носа. В уголок губ. С каждым новым толчком приходил новый поцелуй. Он будто пробовал на вкус самое дорогое вино в своей жизни, смакуя каждый миллиметр её лица. — Дай мне насладиться этим.

— Это пытка, — выдохнула она, приоткрывая глаза, в которых плескалось тёмное, обжигающее желание.

— Нет, — ответил он просто, глядя в самую глубину её зрачков. — Это чистый кайф. Мой личный.

Он провёл рукой по её бедру, от колена вверх, к талии, потом обратно. Медленно. Ласково. Собственнически. Ладонь запоминала каждый изгиб, каждую ямочку, каждую родинку на этой совершенной коже. В этом жесте было столько обожания, сколько не вместили бы все слова мира. Но слова были не нужны. Нужно было только движение. Одно единственное правильное движение.

— Бери, — прошептал он ей в губы и вошёл сильно, глубоко, до самого предела.

А потом ритм сломался. Медленная нежность исчезла, уступив место чему-то первобытному, дикому, неуправляемому. Они сорвались в пропасть вместе, сплетённые в единое целое, снося все преграды на своём пути. Забыв обо всём на свете. О войне, о разлуке, о боли, об обидах. Остались только тела, только дыхание, только этот сумасшедший, выматывающий, прекрасный бег к финалу, за которым следовало новое начало.

Она вскрикнула, когда мир взорвался миллионом осколков. Он зарычал, вжимая её в себя, входя в последний раз, отдавая всего себя без остатка. И в этой агонии любви, в этой сладкой смерти они нашли друг друга заново.

А за окном просыпалась Москва. Шумели машины, где-то лаяла собака, хлопали двери подъезда, спешили по своим делам прохожие. Где-то там, в этом большом мире, шла война, умирали люди, рушились дома и разбивались сердца.

Но здесь, в этой маленькой комнате, был свой мир. Мир, где двое любящих людей всё ещё задыхались в унисон, пытаясь отдышаться. Мир, где не было ничего, кроме их сплетённых тел и одного на двоих сердца, бьющегося где-то между ними. Мир, где они наконец-то были вместе. И не хотели, чтобы это утро когда-нибудь заканчивалось.

— Я так хочу есть, — наконец призналась Анна, когда заурчало в животе. — Вчера даже не ужинала.

— А я и не помню, когда ел в последний раз, — усмехнулся Ильяс. — Кажется, в прошлой жизни.

— Тогда пошли на кухню. Посмотрим, что ты за мужик. Готовить умеешь?

— Я умею готовить яичницу и заваривать чай, — гордо заявил он. — Этого достаточно?

— Для начала, да, — засмеялась Анна. — А там посмотрим.

Она накинула халат, он натянул джинсы и пошёл за ней на кухню. Анна наблюдала, как этот большой, уверенный в себе мужчина сосредоточенно колдует над сковородкой, и чувствовала себя почти счастливой. Почти, потому что в глубине души уже знала, что это счастье продлится недолго.

Яичница получилась отличной. Ильяс нарезал хлеб, заварил крепкий чай и они сели за маленький кухонный стол, касаясь коленями под столешницей. Было уютно и тепло.

— Анна, — начал он, отставив чашку. Голос его стал серьёзным. — Давай поговорим.

— Давай, — она напряглась внутренне, готовясь к бою.

— Ты переезжаешь ко мне, — сказал он без вопросительной интонации. Это был не вопрос. Это был ультиматум. — Хватит с меня этой беготни по кругу. Хочу каждый день засыпать и просыпаться с тобой. Хочу знать, что ты в безопасности. У меня дом, охрана, территория.

Анна аккуратно положила вилку. Выдохнула, чтобы не вспылить сразу.

— Ильяс, я ценю твою заботу обо мне, и главное о себе. Правда. Но я не собираюсь никуда переезжать. Пока.

— Почему? — его брови сошлись на переносице.

— Потому что я самостоятельный человек. У меня есть работа, есть своя жизнь, свои планы. И эти планы... — она замялась, но решила сразу сказать правду. — Эти планы включают ещё одну командировку. Через несколько дней я улетаю в Сирию.

Повисла мёртвая тишина. Ильяс замер с чашкой в руке. Его лицо побелело так же, как вчера на приёме.

— Что? — переспросил он тихо, но в этом голосе уже звенела безжалостно нарастающая злость. — Куда?

— В Сирию, — твёрдо повторила Анна. — Мои репортажи понравились руководству. Они собрали высокие рейтинги. Мне предложили новую командировку. Теперь я буду работать там как специальный корреспондент.

— Нет.

Это было сказано таким тоном, каким, наверное, Ильяс подписывал контракты или увольнял неугодных сотрудников. Коротко. Жёстко. Не терпящим возражений.

— Что значит — нет? — Анна тоже повысила голос. — Это моя работа. Моя жизнь. Мой выбор.

— Аня, ты с ума сошла? — он отодвинул чашку, подался вперёд. — Ты была там. Ты видела, что там творится. Ты чудом вернулась. И ты хочешь снова поехать туда? Добровольно?

— Это моя профессия, — упрямо повторила она.

— Профессия?! — он вскочил, заходил по маленькой кух-

не. — Там война! Там каждый день гибнут люди! А ты хочешь лезть под пули ради каких-то рейтингов?

— Ради правды, — перебила его Анна. — Чтобы люди знали, что там происходит. Чтобы видели лица этих людей, слышали их истории. Это важнее рейтингов.

— А я? — он остановился и посмотрел на неё в упор. — Я для тебя ничего не значу? Я только что нашёл тебя, только что... — он сжал кулаки, сдерживаясь. — Я не хочу тебя потерять. Не хочу хоронить. Не хочу, чтобы мне прислали гроб с твоим телом. Ты понимаешь это?

— Понимаю, — тихо ответила Анна. — Но пойми и ты. Я не могу сидеть в твоём доме под охраной. Я не могу делать вид, что счастлива, если несчастна. Это моё призвание. Я должна.

— Кому должна? — взорвался он. — Этим людям? Они не знают тебя. Им плевать на твою миссию. Ты им не поможешь. Ты просто очередной труп, который покажут в новостях.

— Не смей! — Анна тоже вскочила, глаза её горели. — Не смей обесценивать то, что я делаю. Ты не был там. Ты не видел их глаза. Если я могу рассказать об этом миру, я буду рассказывать.

— Тогда зачем тебе я? — он резко остановился, и в его голосе вдруг прозвучала такая боль, что у Анны сердце сжалось. — Зачем тебе отношения, семья, если ты готова снова броситься в пекло?

— Мне нужен ты, опора в этом непростом мире, как и я нужна тебе, ты так говорил, — она подошла к нему, взяла его лицо в ладони. — Но мне нужен мужчина, который будет меня поддерживать, а не запирать в клетку. Который поймёт, что моя работа — это часть меня. Или ты хочешь поломать меня, сделать удобной, домашней, безропотной? Я не буду такой. Никогда. Тогда тебе стоит взять себе в женщины любую глянцевую куклу, или как и прежде менять их.

Ильяс смотрел на неё. Смотрел долго, тяжело, и в его глазах боролись любовь и страх, желание защитить и понимание, что он не имеет права.

— Я боюсь, — наконец выдохнул он, прижимая её к себе. — Я так боюсь потерять тебя. А ты...

— Я тоже боюсь, — прошептала Анна ему в грудь. — Но я не могу по-другому.

— Ты невыносима, — выдохнул он ей в макушку.

— Знаю.

Они стояли так посреди кухни, обнявшись, и это объятие было важнее любых слов.

— А если я предложу тебе работу у меня? — вдруг спросил Ильяс. — В бизнесе. У меня есть медийные проекты, пиар, связи с прессой. Твой талант там очень пригодится. И ты будешь в безопасности.

Анна отстранилась, посмотрела на него с усмешкой.

— Ты пытаешься меня купить?

— Я пытаюсь тебя спасти, — тут же поправил он.

— Ильяс, — она вздохнула. — Я ценю твоё предложение. Правда. Но я не хочу быть приложением к твоему бизнесу. Не хочу, чтобы мой успех зависел от того, что я твоя женщина. Я хочу сама. Своими руками. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул он, хотя видно было, что согласен он с трудом.

— И ещё одно, — добавила Анна твёрдо. — Я не потерплю давления с твоей стороны. Никогда. Мы должны уважать желания и мечты друг друга. Если ты будешь пытаться мной командовать, мы поссоримся. И я уйду.

Ильяс скрестил руки на груди.

— Ты ставишь мне условия?

— Я говорю, как будет, если мы хотим быть вместе, — ответила она. — На равных. Или никак.

Он смотрел на неё долго. А потом вдруг шагнул вперёд и опустился на одно колено.

— Тогда выходи за меня замуж, — сказал он просто. — На равных. Чтобы у нас была одна фамилия, один дом, одна жизнь. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Официально.

У Анны перехватило дыхание. Она смотрела на этого сильного мужчину, стоящего перед ней на коленях на её маленькой кухне, и не верила своим глазам.

— Ильяс... встань...

— Не встану, пока не ответишь.

— Я... — она запнулась, собираясь с мыслями. — Я не готова становиться женой. Пока. Прости.

— Почему? — в его глазах мелькнула боль.

— Потому что сначала я должна понять, кто я. И вообще не мешало бы понять, кто мы. Нам нужно время, чтобы притереться. Чтобы узнать, сможем ли мы быть вместе не только в постели, но и в жизни.

Он поднялся. Лицо его было непроницаемо.

— Ты отказываешь мне?

— Я прошу подождать, — мягко сказала Анна, касаясь его руки. — Дай нам время.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент зазвонил её телефон. Анна глянула на экран — Антон.

— Извини, я должна ответить, — сказала она, видя настойчивость вызова. — Это по работе.

— Алло, Антон, привет.

— Аня! — голос Антона звучал взволнованно. — Ты где? Нам нужно срочно встретиться. Есть разговор.

— Что случилось?

— Не по телефону. Это важно. Я нарыл убойный материал.

Анна напряглась.

— Хорошо. Давай через час в нашем кафе?

— Договорились. Жду.

Она положила трубку и почувствовала на себе тяжёлый взгляд Ильяса. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на неё с плохо скрываемой ревностью.

— Это какой Антон? Тот щенок в вязанной шапочке? —

спросил он холодно.

— Да, — спокойно ответила Анна.

— Он звонит тебе рано утром и назначает встречу? — в голосе Ильяса зазвенел металл. — Анна, я не потерплю других мужчин в твоей жизни.

— Каких других мужчин? — она посмотрела на него с удивлением. — Ильяс, ты ревнуешь?

— Да, ревную! — взорвался он. — Я только что нашёл тебя, а тут какой-то Антон назначает тебе встречи. Кто он тебе?

— Он мой друг, — твёрдо ответила Анна. — И очень дальний родственник по линии отца. Мы выросли вместе. Он мне как брат. И если ты будешь ревновать меня к каждому столбу, у нас ничего не получится.

Ильяс замер, переваривая информацию. На его лице отразилась сложная гамма чувств — облегчение, стыд, остатки ревности.

— Родственник? — переспросил он.

— Троюродный, кажется, — улыбнулась Анна. — Мы сами путаемся. Но он действительно мне как брат. И я сейчас поеду к нему, потому что это касается его работы. А ты... — она подошла, взяла его за руку. — Ты можешь мне доверять. Или не доверять. Выбор за тобой.

Он выдохнул, притянул её к себе, поцеловал в висок.

— Прости. Просто... я слишком боюсь тебя потерять. Поезжай. Я позвоню вечером.

— Хорошо, — она поцеловала его в ответ. — И ты поезжай. К отцу. Поговори с ним.

— С чего ты взяла, что я собираюсь к отцу? — удивился он.

— Ты же сам говорил, что он сватает тебе Алину. Значит, пора поставить его в известность, что его планы расходятся с твоими. Или ты боишься?

— Я никого не боюсь, — усмехнулся Ильяс. — Тем более отца. Ладно. Договорились. Вечером созвонимся.

Они разошлись по своим делам, и каждый уносил с собой тепло этого утра и вопросы, на которые ещё предстояло найти ответы.

ГЛАВА 15

Кровное

Ильяс приехал в родительский дом к полудню. Особняк в престижном районе Москвы, охрана на входе, дорогие машины у крыльца. Для него это было привычно, но сегодня он чувствовал себя неуютно. Разговор предстоял непростой.

Он вошёл в кабинет отца без стука. Тот сидел за массивным дубовым столом, просматривая какие-то документы, и даже не поднял головы. Только бровь приподнял — недовольно, предупреждающе. Воспитывал, ставил его на место одним этим жестом. Несмотря на жёсткий характер и политические амбиции, единственного сына отец любил искренне.

— Ильяс! — он поднялся, обнял его. — Рад тебя видеть. Как дела? Как новый центр? Слышал, открытие прошло отлично.

— Спасибо, отец. Всё хорошо.

— А что с рукой? — спросил отец, как только заметил перевязанную ладонь. — Поранился?

— Ерунда. Стекло разбил случайно.

Отец посмотрел внимательно, но расспрашивать не стал. Указал на кресло.

— Садись. Рассказывай. Чем обязан твоему приезду?

Ильяс сел, собрался с мыслями. С отцом нужно было го-

ворить прямо. Он не любил намёков и недомолвок.

— Отец, я хочу жениться.

Тот радостно откинулся на спинку кресла, довольно улыбнулся.

— Наконец-то! Я уж думал, ты никогда не созреешь. Алина — прекрасная партия. Её отец мой друг, объединение бизнесов пойдёт нам только на пользу. Когда свадьба?

— Отец, — перебил Ильяс. — Я женюсь не на Алине.

Улыбка сползла с лица главы семьи моментально.

— То есть как?

— Я встретил женщину. И хочу, чтобы она стала моей женой.

Наступила напряженная тишина. Отец смотрел на сына, и в его взгляде читалось разочарование.

— И кто же эта женщина, ради которой ты готов отказаться от выгодной партии и нарушить мои планы? Я всегда считал тебя серьезным мужчиной, у которого холодная голова.

— Её зовут Анна Молчанова. Она журналист. Работает на телевидении.

– Это семье неинтересно, – сухо отрезал отец. – Алина станет твоей женой. Мы уже договорились с ее отцом.

— А мне плевать, интересно тебе или нет, — Ильяс сел в кресло напротив, закинул ногу на ногу, всем видом показывая, что никуда не уйдёт. — Надо поговорить.

Отец поднял голову. Взгляд был тяжёлый, цепкий, из тех, от которых у подчинённых подгибались колени. Взгляд чело-

века, прошедшего девяностые годы, выжившего в мясорубке, построившего империю на костях конкурентов.

— Ты забываешься, — голос отца звучал ровно, но в нём уже звенели металлические нотки. — Я тебя создал. Я тебя вырастил. И я же могу у тебя все забрать.

— Попробуй, — Ильяс усмехнулся, хотя внутри всё сжалось. С детства этот голос действовал безотказно. Но сейчас он был не мальчиком, которого можно поставить в угол. — Только учти: мой бизнес — только мой. Я его не на твоих деньгах строил.

Отец откинулся на спинку кресла. Сцепил пальцы на животе. Смотрел долго, изучающе, будто видел сына впервые.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Говори.

— Я женюсь, — выдохнул Ильяс без предисловий. — На Анне Молчановой.

В кабинете повисла тишина. Такая густая, что было тяжело дышать. Отец замер. Даже дыхание, кажется, остановил. А потом медленно, очень медленно наклонился вперёд, положил локти на стол.

— На ком? — переспросил он тихо. Очень тихо. А это было страшнее любого крика.

— На Анне Молчановой, — повторил Ильяс, глядя отцу прямо в глаза. — Дочь Сергея Молчанова. Ты его знаешь?

— Знаю ли я Молчанова? — отец вдруг расхохотался. Коротко, зло, без тени веселья. — Я знаю этого ублюдка лучше, чем собственную жену. Мы с ним в девяностых за каждый

кусок земли бились. Он мне три ребра сломал. Я его подставил так, что он год в бегах был. Мы враги, Ильяс. А ты приводишь ко мне в дом его дочь?

— Я веду её не в твой дом.

— Она его кровь! — отец вскочил, оперся кулаками о стол, подавшись вперёд. — Его характер! Его упрямство! Ты думаешь, она будет другой? Ты думаешь, она примет наши правила, нашу семью? Да она тебя с потрохами сожрёт и не подавится! Такая же, как отец, — непримиримые, гордые, себе на уме.

— Она мне нужна.

— Для чего?! Любовь! — отец сплюнул это слово, как ругательство. — Какая любовь, Ильяс? Ты мужчина или сопливая девчонка? Мы владельцы империи, а ты хочешь привести в дом волчонка из вражьего стана под видом овцы? Тебе что, баб мало? Алина тебе ни слова не скажет. Бери любую и дери хоть каждый день. Хочешь, трахай свою Анну, а в жены возьмёшь Алину. И внуков мне подаришь. А в свою Анну суй аккуратно, чтобы я потом за тобой не разгребал и греха на душу не брал.

– Я всё сказал. Анна станет моей женой, — Ильяс тоже встал. Теперь они стояли друг напротив друга, разделённые только столом, и воздух между ними звенел от напряжения. — Ты вообще слышишь себя?

— Я слышу себя, — отец ткнул пальцем себе в грудь. — И я знаю, что говорю. Молчанов — враг. Его дочь — враг.

Она принесёт в наш дом проблемы.

— Она принесёт в мой дом счастье, — отрезал Ильяс. — И это будет мой дом. Моя жизнь. Мой выбор. Ты можешь принять его или нет. Но я женюсь на ней в любом случае.

Отец обошёл стол. Медленно, хищно, как зверь, обходящий жертву. Остановился в метре от сына.

— Ты понимаешь, что если она станет твоей женой, наши с Молчановым старые счёты станут твоими? Ты готов воевать с ним? Делить активы? Выяснять, кто кого перехитрит?

— Я готов строить и дальше свой бизнес, — жёстко ответил Ильяс. — И я не собираюсь воевать с отцом своей жены. Если ты не заметил, времена изменились. Девяностые кончились. Сейчас другие правила.

— Правила не меняются, — усмехнулся отец. — Меняются только люди. И то не всегда.

— Слушай, — Ильяс шагнул вперёд, сокращая расстояние до опасного. — Я пришёл к тебе не за одобрением. Я пришёл поставить перед фактом. Ты мой отец, и я хочу, чтобы ты знал: в нашей семье появится новая женщина. Анна. Ты будешь с ней уважителен. Или мы больше не увидимся.

Отец замер. Такого он не ожидал. Его мальчик, которого он пестовал, которым манипулировал, которого пытался контролировать, вдруг вырос. И вырос настолько, что готов был переступить через родную кровь.

— Ты шантажируешь меня? — спросил он тихо, с угрозой.

— Предупреждаю, — поправил Ильяс. — Ты научил меня не отступать. Не сдаваться. Идти до конца. Я иду. Просто теперь моя цель не только бизнес, а моё личное счастье. И его имя — Анна.

Они стояли друг напротив друга. Два хищника. Два упрямца. Две бетонные стены, готовые рухнуть друг на друга.

И вдруг отец усмехнулся. Криво, но в этой усмешке уже не было прежней злости.

— Упрямый, как осёл, — сказал он. — Весь в меня.

— Значит, понимаешь, — выдохнул Ильяс, чувствуя, как напряжение чуть отпускает.

— Понимаю, — отец отвернулся, подошёл к окну, заложил руки за спину. Долго смотрел на свой любимый сад. — Молчанов, значит... Его дочь... Судьба смеется над нами. Она хоть красивая?

— Самая красивая, — тихо ответил Ильяс.

— А характер?

— Стальной. Как у её отца. Как у тебя. Как у меня. Она не из этих... женщин, которым интересны украшения и платья. Она журналист. Только что вернулась с войны. Работала в Сирии. Она видела смерть, видела кровь. И я прошу тебя ее уважать.

Отец недовольно хмыкнул.

— Ты не мог выбрать женщину попроще? Покладистую. Значит, в доме будет война. Две упрямицы — мать и невест-

ка. Ты этого хочешь?

— Я хочу видеть её в своей жизни, — просто сказал Ильяс. — Остальное переживу.

Отец обернулся. Посмотрел долго, изучающе. И вдруг кивнул, едва заметно, но он кивнул.

— Ладно. Приводи свою Молчанову. Посмотрим, что за зверь. Самого Молчанова я не люблю. И не полюблю никогда. Его ноги не должно быть в моем доме.

— Ее отец не просит твоей любви, — ответил Ильяс. – Я прошу уважения для неё и её семьи.

— Ты многому научился, сын, — в голосе отца вдруг прозвучало что-то похожее на гордость. — Держать удар. Отстаивать своё. Это хорошо. Это по-нашему.

Ильяс ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл к двери. У порога остановился.

— На днях я привезу её знакомиться. Будь дома. И будь человеком. Уважай мою женщину.

Дверь за ним закрылась. Отец стоял у окна, смотрел в сад, но ничего не видел. Перед глазами стояло другое — девяностые, драки, переделы, и молодой Молчанов, который тогда, на стрелке, посмотрел на него точно так же, как сейчас его сын. С вызовом. С достоинством. С готовностью идти до конца.

— Чёрт, — выдохнул отец. — Чёрт бы вас всех побрал. Невестка, которая шастает на войне и разносит новости. За что мне это? За что это моему сыну?

А в коридоре Ильяс уже набирал номер Анны. Ему нужно было услышать её голос. Прямо сейчас. Потому что только он давал силы идти дальше.

Но в этот момент входная дверь в дом распахнулась и влетел Ренат. Двоюродный брат Ильяса. Он был взволнован, растрёпан, в глазах плескалась тревога.

— Ильяс! — выпалил он с порога. — Хорошо, что вы оба здесь. У нас проблемы. Серьёзные.

— Что случилось? — нахмурился отец, выходя из кабинета.

— Бизнес. Кто-то копает под нашу семью. Я не знаю кто, но это серьёзно. Кто-то явно собирает компромат. Мне нужен совет. И помощь. Ильяс, ты в этом разбираешься лучше всех.

Ильяс переглянулся с отцом. В воздухе повисло напряжение.

— Рассказывай подробно, — сказал Ильяс, мгновенно переключаясь в деловой режим. — С самого начала.

Ренат сел и начал рассказывать. А Ильяс слушал, но краем сознания всё ещё был там, в маленькой квартире на набережной, где жила его Анна. Он найдёт того, кто угрожает семье. Он поможет отцу и разберётся с проблемами. А вечером позвонит ей и услышит её голос. Ради этого стоило бороться. Ради этого стоило жить.

ГЛАВА 16

Наследник, это бремя

Кабинет отца всё ещё хранил напряжение их недавнего разговора, когда они собрались в нём. Ренат оглянулся на дверь, подошёл ближе и заговорил вполголоса:

— Везде прослушка. Я проверил все свои каналы. Офис, машина, даже квартира. Это не менты. Кто-то другой. Профессионалы.

— Конкретнее, — жёстко оборвал его Ильяс.

— Та партия с контрафактом, которую мы через северную границу гнали, — Ренат сжал кулаки. — Всё накрылось. Фуру тормознули на таможне. Товар изъяли. Убытки под тридцать миллионов.

— Твою мать, — выдохнул отец.

— Это не всё, — Ренат побледнел ещё сильнее. — На южной границе остановили другой груз. Там был не контрафакт, там было...

Он замолчал, опасливо глядя на главу семьи.

— Что там было? — ледяным тоном спросил Ильяс, хотя уже догадывался.

— Оружие, — выдохнул Ренат. — Два грузовика. Кто-то сдал всё до последней детали. Таможня пришла по наводке. Люди повязаны. Мы потеряли каналы, связи, доверенных людей. И главное, я не знаю, кто нас сдал. Свои? Чужие? Не

понимаю.

Ильяс медленно поднялся. Посмотрел на отца. Тот стоял каменный, только желваки ходили на скулах.

— Я же просил, — тихо, очень тихо сказал Ильяс. — Я же просил вас завязать с этим дерьмом.

— Ты не указывай, — огрызнулся отец. — Это семейный бизнес.

— Это не бизнес, — отрезал Ильяс. — Это проблемы.

Ренат переводил взгляд с одного на другого.

— Ильяс, нам нужна помощь. Ты же понимаешь, если нас раскрутят...

— Я вас предупреждал, — перебил Ильяс. — Сколько раз? Десять? Двадцать? Я говорил: времена изменились. Сейчас не девяностые. Сейчас за такое сажают и надолго.

— Ты мой сын! — рявкнул отец, делая шаг вперёд. — Наследник! Ты обязан работать на интересы семьи, даже если у тебя свой легальный бизнес!

— Наследник? — Ильяс усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Только горечь. — Наследник я один, потому что мой старший брат погиб в твоих делах, отец. Помнишь? Ему было двадцать три. Он лежал на асфальте, истекая кровью, а я держал его за руку.

В кабинете повисла мёртвая тишина. Ренат побледнел, отец опустил глаза.

— Он просил меня перед смертью, — голос Ильяса дрогнул, но он взял себя в руки. — Он сказал: «Сохрани фами-

лию. Сохрани род. Не лезь в это дерьмо. Живи чисто». И я дал ему слово. Я сдержал его. Я построил легальный бизнес с нуля. Без ваших теневых схем. Без крови. Без контрабанды.

Он шагнул к отцу и встал вплотную.

— А вы? Вы продолжаете играть в старые игры. Думаете, если девяностые прошли, то и законы не писаны? Ошибаетесь. Вас найдут. Посадят. И я не смогу помочь, даже если захочу.

— Ильяс... — начал Ренат.

— Молчи! — оборвал его Ильяс. — Ты тоже хорош. Втянул семью в такие разборки, что теперь неизвестно, кто нас пасёт. Прослушка, говоришь? Это значит, что за вами уже давно следят. И если не менты, то конкуренты. А конкуренты, как ты знаешь, стреляют без предупреждения.

Отец молчал. Впервые в жизни он не нашёлся, что ответить сыну.

— Ладно, — выдохнул Ильяс, беря себя в руки. — Я дам вам номер своего доверенного человека. Лучший аналитик по безопасности. Он всё пробьёт, найдёт утечку, предоставит отчёт. Но сам я в это не полезу. Ни ногой. И вам советую завязывать с криминалом. Пока не поздно.

Он достал визитку, и бросил на стол.

— Это всё, чем я могу помочь. Остальное решайте сами. А теперь простите, у меня дела.

— Какие дела? — опешил Ренат.

— Я везу в свой дом свою женщину, — Ильяс уже шёл к

двери. — И я не позволю, чтобы ваши разборки коснулись её. Никогда.

Дверь за ним закрылась. Отец и Ренат остались стоять посреди кабинета, глядя на визитку на столе.

— Тяжёлый случай, — выдохнул Ренат.

— Он прав, — неожиданно тихо сказал отец. — Во всём прав. Только поздно уже останавливаться.

Особняк Ильяса встретил Анну теплом и светом. Она устала после рабочего дня так, что ноги гудели, а голова отказывалась соображать. Но когда чёрный автомобиль с водителем остановился у ворот, а она увидела Ильяса, стоящего и встречающего её на крыльце, вся усталость куда-то улетучилась.

Не дожидаясь пока она выйдет, он направился к машине. Открыл дверь, и подал ей руку. Первое, что она увидела был огромный букет белых роз в его руке.

— Ты чего? — выдохнула Анна, утыкаясь носом в цветы.

— Соскучился, — просто ответил он и поцеловал её в висок. — Иди сюда.

Ильяс прижал её к себе как самую большую драгоценность в мире. Вдыхая запах Анны, он целовал протяжно, долго, сладко, наслаждаясь каждым мгновением.

В доме было красиво. Огромная гостиная с камином, мягкий свет, уютные пледы на диванах. И стол накрытый на двоих, с хрустальными бокалами, свечами и тарелками под серебряными крышками.

— Ильяс... — Анна обвела всё это глазами. — Ты зачем так стараешься? Я же в джинсах, с работы...

— Ты прекрасна в любых джинсах, — он помог ей снять рюкзак, забрал цветы, и усадил за стол. — Я хочу, чтобы первый твой вечер в этом доме был особенным. Чтобы ты полюбила наш дом.

Ужин был восхитительным. Ильяс заказал блюда из ресторана, но сам лично разливал вино, зажигал свечи, ухаживал за ней, как за самой драгоценной гостьей. Анна расслабилась, усталость отступила, и они говорили, говорили, говорили… Обо всём и ни о чём. Смеялись, касались друг друга руками через стол, смотрели в глаза.

А потом был фильм. Они устроились на огромном диване перед камином. Ильяс лёг рядом и положил голову ей на колени, в блаженном удовольствии закрывая глаза. Анна перебирала его волосы, водила пальцами по вискам и чувствовала, как он расслабляется под её руками. Этот обычно железный человек, сейчас напоминал ей сытого довольного кота.

— Знаешь, — тихо сказал он, не открывая глаз, — я мог бы лежать так вечность.

— А фильм?

— Фильм подождёт, — он поймал её руку, прижался губами к ладони. — Ты пахнешь счастьем.

— Чем?

— Тем, чего у меня никогда не было, — прошептал он. — Покоем.

Она наклонилась, поцеловала его в лоб. И в этом жесте было столько нежности, что у него перехватило дыхание.

Фильм давно закончился, а они всё лежали. Свечи догорали, камин тихо потрескивал, а за окном шумел вечерний загородный поселок. Ильяс вдруг резко сел, подхватил Анну на руки и встал.

— Ильяс! — она рассмеялась, обхватив его за шею. — Ты куда?

— В спальню, — твёрдо заявил он, уже направляясь к лестнице. — Ты остаёшься у меня.

— А если я не согласна? — притворно нахмурилась она.

— Поздно, — он усмехнулся, заходя в спальню и опуская её на огромную кровать. — Ты уже здесь. И я тебя не отпущу.

Он навис над ней, глядя в глаза. В его взгляде было столько нежности, что у Анны защипало в глазах.

— Хочу тебя, — прошептал он. — Очень. До одури. Дико хочу.

— Я тоже, — выдохнула она, притягивая его к себе.

Поцелуй был долгим, тягучим, бесконечным. Они целовались так, будто хотели вобрать друг друга целиком, без остатка. Руки путались в одежде, снимали её медленно, но неуклонно. Каждое прикосновение отзывалось дрожью. Каждый вздох был откровением.

Их близость в этот раз была другой. Не той дикой, отчаянной страстью, что сжигала их прошлой ночью. И не той медленной, тягучей нежностью утра. Это было что-то сред-

нее. Спокойное и одновременно глубокое. Доверительное и пронзительное. Он двигался в ней медленно, глядя в глаза, и шептал слова, от которых хотелось плакать и смеяться одновременно.

— Ты моя, — шептал он, целуя её скулы, веки, губы. — Только моя. Навсегда.

— Твоя, — отвечала она, впиваясь пальцами в его спину. – Бери...

Они кончили вместе, вскрикнув, задрожав, взорвавшись миллионом искр. А потом долго лежали, переплетённые, мокрые от пота, и не могли отдышаться.

— Я хочу, чтобы ты была здесь, — прошептал Ильяс в темноту. — Каждую ночь. Каждое утро. Всегда.

— Я подумаю, — тихо ответила Анна, засыпая в его руках. — Но сегодня я здесь.

— Этого достаточно, — он поцеловал её в макушку и закрыл глаза. — Пока достаточно.

За окном где-то вдалеке шумела Москва. Где-то там, в этом большом городе, плелись интриги, текла нелегальная кровь, решались вопросы жизни и смерти. Но здесь, в этой комнате, было тихо и безопасно. Здесь была любовь. Пусть не признанная каждым из них, не озвученная вслух, но уже любовь. А значит, всё остальное было неважно. Хотя бы на эту ночь.

ГЛАВА 17

Яблоко от яблони

Дом Юсупова старшего опустел. Хлопнула входная дверь, стих шум мотора отъезжающей машины, и в особняке воцарилась та особенная тишина, которая бывает только в больших пустых домах. Равиль Юсупов стоял у окна своего кабинета, глядя вслед уехавшему сыну, и чувствовал, как внутри всё кипит.

— Равиль? — голос жены раздался неожиданно мягко. — Ты здесь?

Он обернулся. Валентина стояла в дверях, всё ещё в летнем пальто, с нотной папкой в руках. Красивая. Даже сейчас, в свои далеко за пятьдесят, она была прекрасна. Та самая женщина, ради которой он когда-то пошёл против воли всего рода.

— Почему ты стоишь в такой задумчивости? — она подошла ближе, заглянула в лицо. — Что-то случилось?

— Случилось, — хмуро ответил он. — Твой сын решил жениться.

Валентина замерла, а потом вдруг улыбнулась — светло, радостно, как умела только она.

— На ком? Кто она? Когда я увижу её?

— На Анне Молчановой, — процедил Равиль, будто выплёвывал ядовитую косточку.

Улыбка на лице Валентины дрогнула, но не исчезла. Она медленно сняла пальто, повесила на вешалку, поставила папку на тумбочку. Подошла к мужу, взяла его под руку.

— Пойдём к камину, — сказала она спокойно. — Там поговорим.

Они сидели в гостиной у живого огня. Равиль любил камин. В детстве у них такого не было, а теперь он мог позволить себе всё. Валентина принесла чай, села напротив и внимательно посмотрела на мужа.

— Рассказывай.

— Что рассказывать? — он дёрнул плечом. — Ильяс пришёл и поставил меня перед фактом. Он женится на дочери моего врага. На Молчановой.

— Врага? — Валентина подняла бровь. — С каких пор Сергей Молчанов тебе враг?

— С девяностых, всю жизнь, — жёстко ответил Равиль. — Мы с ним за каждый клочок земли дрались. Он мне рёбра ломал, я его подставлял. Кровь, Валя. Кровь между нами.

— Кровь, которая давно высохла, — тихо сказала она. — Равиль, посмотри на меня.

Он поднял глаза. Валентина смотрела на него тем самым взглядом, от которого у него до сих пор, через сорок лет брака, ёкало сердце.

— Ты помнишь, как мы познакомились? — спросила она.

— При чём здесь это?

— Помнишь? — настойчиво повторила она.

— Помню, — буркнул он. — Ты училась в консерватории.

— А помнишь, что твой отец сказал, когда узнал, что ты хочешь на мне жениться?

Равиль промолчал. Конечно, он помнил. Каждое слово, каждую унизительную минуту того разговора.

— Он сказал, что я тебе не пара, — продолжила Валентина голосом, в котором звенела гордость. — Что я из простой семьи. Что у меня нет приданого. Что ты должен жениться на дочери его друга, что он договорился уже.

— Валя...

— И что ты сделал? — она подалась вперёд. — Ты украл меня, Равиль. Увёз в свой дом и спрятал. Ты воевал с отцом месяц. Ты доказывал ему, что я твоя судьба. Ты соблазнял меня цветами, стихами, бессонными ночами. Ты доказывал мне, что я нужна тебе, что наша любовь сильнее денег и предрассудков. Я влюбилась в тебя именно тогда, когда увидела, как ты бьёшься за меня. Как ты не сдаёшься.

Она встала, подошла к камину, опёрлась рукой о каминную полку. Огонь освещал её лицо, и Равиль вдруг увидел в ней ту самую девушку, которая сорок лет назад разбила его сердце и собрала заново.

— А теперь твой сын, — тихо сказала она, — приходит к тебе и говорит, что любит. Что хочет жениться на той, кого выбрало его сердце. А ты? Ты встречаешь его в штыки только потому, что у его любимой какая-то не та фамилия?

— Это не просто фамилия! — взорвался Равиль, вскаки-

вая. — Это Молчанов! Ты не знаешь, что между нами было! Он...

— Мне плевать, что между вами было! — перебила Валентина, и в её голосе вдруг прорезалась та сила, которая всегда ставила Равиля на место. — Много лет прошло! Почти тридцать! Вы уже старики, а всё никак не можете забыть свои разборки. И из-за этого ты готов разбить сердце собственному сыну?

— Я не разбиваю! Я предупреждаю! Его дочь может оказаться такой же, как он, — упрямой, несговорчивой, опасной!

— А ты? — Валентина шагнула к нему и встала вплотную. — Ты сам какой? Ты думаешь, я не знаю, с кем живу? Ты думаешь, я не видела, как ты в девяностые домой приходил с кровью на рубашке? Я всё видела. И всё приняла. Потому что люблю. А ты хочешь лишить сына права на такую же любовь?

Равиль молчал. Стоял, сжав кулаки, и молчал.

— Я на его стороне, — твёрдо сказала Валентина. — Слышишь? Если он любит эту девочку, я приму её. Буду любить как дочь. И если ты, Равиль Юсупов, посмеешь обидеть Анну Молчанову, если ты хоть словом её зацепишь...

— Что тогда? — усмехнулся он.

— Тогда мы будем спать в разных спальнях, — отчеканила Валентина. — До конца твоих дней. И не надейся, что я прощу.

У Равиля отвисла челюсть. Он смотрел на жену и не верил своим ушам. Она никогда не ставила ультиматумов. Никогда не угрожала. А тут...

— Ты серьёзно? — выдохнул он.

— Абсолютно, — она скрестила руки на груди. — Ты сам когда-то выбрал любовь. Дай сыну сделать то же самое.

Повисла долгая, тяжёлая тишина. Равиль смотрел на огонь, на жену, снова на огонь. А потом вдруг выдохнул так, будто из него выпустили воздух.

— Чёрт, — сказал он тихо. — Ты и он. Вы меня доконаете.

— Значит, сдаёшься? — в голосе Валентины мелькнула надежда.

— Сдаюсь, — буркнул Равиль. — Но это не значит, что я буду прыгать от счастья.

— А этого и не требуется, — она подошла, обняла его, прижалась щекой к груди. — Требуется только одно: не мешать. И быть вежливым, когда она придёт в этот дом.

— Когда? — напрягся Равиль.

— Думаю, скоро. Ильяс говорил что-то про ужин знакомства?

— Говорил, — нехотя признался он. — Сегодня повёз её к себе в дом.

— Тем более, — Валентина удовлетворённо кивнула. — Значит, завтра-послезавтра можно приглашать. Кстати, – она вдруг оживилась, — я же училась с Сергеем Молчановым! В одном классе, помнишь, я тебе говорила тогда, когда

вы воевали? Он был хорошим парнем. Нормальным. Добрым. Что из него эти девяностые сделали — отдельный вопрос, но человек он порядочный.

— Ты думаешь? — удивился Равиль.

— Знала, — поправила Валентина. — В школе. Мы даже за одной партой сидели какое-то время. Он мне нравился, между прочим. До того, как я тебя встретила.

— Что-о? — Равиль вытаращил глаза.

— Ревнуешь? — усмехнулась Валентина. — Сорок лет спустя? Это мило.

— Ничего не мило, — нахмурился он. — Просто...

— Просто давай позвоним ему, — перебила Валентина. — Вместе. Как цивилизованные люди. Обсудим будущее наших детей.

— Ты с ума сошла? — Равиль отшатнулся. — Я ему звонить? После всего?

— А что такого? — она уже доставала телефон. — Ты мужчина или кто? Наберись смелости. Ради счастья сына.

Она нашла номер общей знакомой в старой записной книжке. Набрала и узнала номер телефона своего бывшего одноклассника. А потом снова набрала и протянула трубку Равилю. Тот смотрел на неё как на сумасшедшую, но телефон взял.

— Молчанов слушает, — раздался в динамике низкий, грозный голос.

— Сергей? — Равиль сглотнул. — Это Равиль Юсупов.

На том конце повисла пауза. Долгая, тяжёлая, как свинцовая плита.

— Юсупов, — наконец выдохнул Молчанов. — А я всё думал, почему этот прохвост мне так знаком! Какими судьбами? Решил старые долги отдать?

— Долги отдавать не собираюсь, — огрызнулся Равиль. — Но поговорить надо. О детях.

— О детях? — голос Молчанова изменился, стал напряжённым. — Что с Аней?

— С моим сыном, — ответил Равиль. — Ильяс хочет жениться на твоей дочери.

В динамике что-то грохнуло. Видимо, Молчанов уронил трубку или стукнул кулаком по столу.

— Чего? — рявкнул он. — Твой сын? На моей Ане? Да я...

— Подожди орать, — вмешалась Валентина, забирая трубку. — Серёжа, привет. Это Валя. Валентина Юсупова. Бывшая Морозова. Мы с тобой в школе за одной партой сидели.

— Валя? — голос Молчанова смягчился, но в нём всё ещё слышалось напряжение. — Ты за него замуж вышла? За этого придурка?

— За него, — подтвердила Валентина, стрельнув глазами в мужа. — И знаешь, ни разу не пожалела. А теперь наш сын полюбил твою дочь. И мы хотим обсудить будущее. Как нормальные люди. Встретиться, поговорить.

— Встретиться? — Молчанов хмыкнул. — После всего,

что было? Ты понимаешь, о чём просишь?

— Понимаю, — твёрдо ответила Валентина. — И я очень хочу, чтобы вы, два старых дурака, наконец зарыли топор войны. Ради наших детей.

Молчанов молчал. Долго. Потом тяжело вздохнул.

— А твой сын уверен, что моя дочь согласна? У меня другая информация! И потом, зачем мне в зятья бандит?

— У него свой бизнес. Легальный. Ни в каких криминальных разборках не участвует. Ильяс чист, Серёжа. Я тебе это как мать говорю.

— Чист, значит, — задумчиво протянул Молчанов. — А что насчёт его личной жизни? Я навёл справки, Валя. Твой сын... он бабник. Поговаривают, что у него бабы меняются как перчатки. Я не хочу, чтобы моя дочь страдала.

Валентина прикусила губу. Она знала это. Знала и боялась, что этот аргумент станет решающим.

— Серёжа, — мягко сказала она. — Я не буду с тобой спорить. Мой сын не был ангелом. Вы все не были ангелами, хочу тебе напомнить.

Молчанов снова замолчал.

— Я хочу устроить совместный ужин, — продолжила Валентина. — Хочу, чтобы мы все встретились. Если после этого ты решишь, что Ильяс не годится в мужья твоей дочери, я приму это. Но дай моему сыну шанс.

— Валя, — голос Молчанова дрогнул. — Ты всегда умела уговаривать. Ещё в школе.

— Значит, договорились? — улыбнулась она.

— Погоди, — остановил её Молчанов. — А сама Анна? Она-то что говорит? Согласна она замуж?

Валентина замерла. Посмотрела на Равиля. Тот пожал плечами.

— Я... честно говоря, не знаю, — призналась она.

— Ага, — в голосе Молчанова появились довольные нотки. — Значит, моя девочка не дала согласие. Насколько я знаю, она его послала.

— Серёжа...

— Ладно, Валя, — перебил он. — Давай встретимся. Завтра. В нейтральном месте. Я позвоню, скажу, где. Но учти: если твой сын разобьёт сердце моей дочери, я его лично убью. Своими руками задушу. И никакие наши старые дружеские отношения тебя не спасут. Ты меня знаешь.

— Знаю, — тихо ответила Валентина. — Потому и верю, что вы договоритесь.

Она положила трубку и посмотрела на мужа. Тот стоял, скрестив руки, и хмурился.

— Ну что? — спросил он.

— Завтра встречаемся, — выдохнула Валентина. — С Молчановым.

— Чёрт, — выругался Равиль.

— Не чертыхайся, — она подошла, взяла его за руку. — Всё будет хорошо. Ты же любишь меня?

— Люблю, — буркнул он.

— Тогда ради меня, будь человеком. А завтра, тем более.

Она потянула его вверх, заставила встать.

— Идём. Я устала. И мне нужно, чтобы мой муж меня обнял.

Равиль посмотрел на неё, и вдруг, несмотря на всё, улыбнулся. Уголками губ, но улыбнулся.

— Ты невыносима, — сказал он, притягивая её к себе.

— Я знаю, — прошептала она, утыкаясь носом в его плечо. — Именно поэтому ты меня и любишь.

Они стояли у камина, обнявшись, а за окном наступила ночь. Где-то там, в другой части города, их сын сейчас был счастлив с той, которую выбрало его сердце. И ради этого стоило пережить любые встречи с любыми врагами. Даже с Сергеем Молчановым.

— Я так понял, что эта вертихвостка ещё и думает, выходить ли замуж за моего сына? — Равиль хмыкнул, но в его голосе слышалась скорее обида, чем злость. — Нашего Ильяса послала?

— Она умная, — перебила Валентина, останавливая его порыв. Она подняла голову с его плеча и посмотрела мужу прямо в глаза. — Очень умная. И правильно делает, что думает.

— Чего? — Равиль опешил. — Ты на чьей стороне?

— На стороне правды, — твёрдо ответила Валентина. — И на стороне той девочки, которая не бросается в омут с головой только потому, что ей сделали предложение. Ты вооб-

ще представляешь, каково это — выходить замуж за Юсупова?

— Что значит — за Юсупова? — Равиль напрягся.

— А то и значит, — она отошла к камину, оперлась рукой о полку. — Ты себя со стороны видел? Ты, твой брат, твои племянники, ваши дела... Равиль, мы с тобой почти сорок лет вместе, и я тебя люблю. Но если бы я знала тогда, в свои двадцать лет, во что выльется твоя жизнь, во что превратится наша семья... я бы тоже подумала. Долго и очень серьёзно.

Равиль замер. Такого он от жены не ожидал.

— Ты о чём сейчас? — тихо спросил он.

— О том, что быть женой Юсупова — это не только наряды и украшения, — Валентина вздохнула. — Это ночи в одиночестве, когда ты не знаешь, вернётся ли муж домой. Это звонки среди ночи, после которых надо собирать адвокатов и деньги. Это похороны, Равиль. Похороны нашего старшего сына. Который погиб, потому что ввязался в ваши дела.

Она отвернулась к огню, и Равиль увидел, как дрогнули её плечи.

— Я помню тот день, — тихо сказала она. — Помню, как ты пришёл и сказал. Помню, как Ильяс, совсем ещё мальчишка, смотрел на нас и молчал. Помню его глаза. В них было столько боли, что я думала, он не выдержит. Но он выдержал. И знаешь что? Он дал себе слово, что никогда не будет таким, как вы.

— Валя...

— Дай договорить, — она обернулась, и в её глазах блестели слёзы, но голос был твёрдым. — Твой сын построил свой бизнес с нуля. Легальный. Чистый. Он никого не убивал, не подставлял. Он просто работал. И теперь он привёл в дом женщину, которую любит. А она, умница, смотрит на нашу семью и думает: а стоит ли связываться с этими Юсуповыми?

Равиль молчал. Впервые в жизни у него не было слов.

— Ты хочешь, чтобы она прыгнула в омут, не глядя? — продолжила Валентина. — Чтобы повторила мою судьбу? Я не жалею, Равиль. Ни о чём не жалею. Я люблю тебя. Но я была молодой и глупой. А она, молодая и умная. Она видит нас насквозь. И она имеет право подумать. Имеет право выбирать, хочет ли она стать частью этого всего.

— Этого всего? — переспросил Равиль глухо.

— Да, — кивнула она. — Этого. Теней прошлого, которые до сих пор тянутся за тобой. Криминала, в который всё ещё лезут твои родственники. Риска, что однажды её муж не вернётся домой. Ты думаешь, она об этом не думает? Думает. И правильно делает.

Она подошла к нему, взяла его лицо в ладони.

— Я хочу, чтобы мой сын был счастлив, — прошептала она. — И я хочу, чтобы его женщина была счастлива рядом с ним. Но для этого вы, мужчины, должны перестать быть теми, от кого хочется бежать без оглядки.

— Мы не можем изменить прошлое, — хрипло сказал Ра-

виль.

— Прошлое — нет, — согласилась Валентина. — Но будущее — можете. Если захотите. Если поймёте, что времена изменились. Что семья, это не только клан, кровь и разборки. Что семья, это любовь. Та самая, за которую ты когда-то воевал. За которую я в тебя влюбилась.

Она поцеловала его в губы. Легко, нежно, как тогда, сорок лет назад.

— Я горжусь нашим сыном, — сказала она. — Он выбрал другой путь. И я верю, что Анна это видит. И именно поэтому она думает. Потому что она серьёзная. Не какая-то вертихвостка, которая побежит за первым встречным с деньгами.

Равиль обнял её, прижал к себе.

— Ты всегда меня пробиваешь, — прошептал он ей в макушку. — Все эти сорок лет. Как стена, о которую я разбиваюсь.

— Не разбиваешься, — усмехнулась она. — Оттаиваешь. И становишься человеком.

ГЛАВА 18

Оборотная сторона счастья

Три дня. Всего три дня полного, абсолютного, почти невесомого счастья. Анна и не подозревала, что так бывает. Что можно проснуться в чужих руках и не чувствовать себя чужой. Что можно пить утренний кофе на огромной кухне, болтая босыми ногами, пока Ильяс готовит яичницу. Сосредоточенно, хмуря брови, будто решает задачу по высшей математике. Что можно целоваться в лифте торгового центра, в машине, у порога, теряя счёт времени и забывая, зачем вообще нужно было куда-то идти.

Она почти не думала о работе. О Сирии. О той командировке, которая должна была состояться через несколько дней. Ильяс умел отвлекать. Его руки, его голос, его присутствие заполняли всё пространство внутри неё, не оставляя места для тревог.

— Оставайся, — говорил он каждое утро, зарываясь лицом в её волосы. — Никуда не езди. Просто будь здесь.

— Я не могу, — смеялась она, выскальзывая из объятий. — У меня работа. Репортажи. Люди, которые ждут правду.

— Пусть правда подождёт, — ворчал он, но отпускал. Всегда отпускал. С поцелуем. С обещанием ждать вечером.

И она ехала. На свою такую родную работу. Где пахло кофе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.